

Михаил
НЕСТЕРОВ

НЕВОЛЬНИК
МЕСТИ

ЭКСМО

Марковцев

Михаил Нестеров
Невольник мести

«ЭКСМО»

2001

Нестеров М. П.

Невольник мести / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2001 — (Марковцев)

Сергей Марковцев по кличке Марк привык дергать смерть за усы. Чего он только не делал за свою жизнь: руководил диверсионным отрядом спецназа и полукриминальной структурой, носил монашескую рясу и тюремную робу... Марк не виноват в том, что военных разведчиков подставили штабные крысы из ГРУ и ФСБ. Но он сделает все, чтобы боевые офицеры смогли вернуть себе честное имя. Он поквитается с теми, кто пытался и его втянуть в грязную игру, кто, прикрываясь лампасами, продает все, что можно продать: героин, соратников, Родину... А на что способен бывший подполковник спецназа, знают многие, в том числе и его враги. Не зря же они называют его тигром с умом лисицы...

© Нестеров М. П., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Нестеров

Невольник мести

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

«Через три недели я буду собирать свой урожай. Представьте себе, где будете вы, так оно и будет. Всем в шеренгу! Не отставайте от меня. Если окажетесь одни, на коне, на зеленом поле и солнце будет светить вам в лицо – не кручиньтесь, ибо вы в Елисее, на том Свете. Братья мои! То, что мы делаем в жизни, отдается эхом в вечности».

*Обращение генерала Северной армии
к римским легионерам.
Ридли Скотт, «Гладиатор»*

Пролог

СУДЬБА

Новоградская область, ноябрь 1998 года

Скованный наручниками, Сергей Марковцев смотрел мимо молодого, одетого в штатское следователя, который своим нарочито пренебрежительным тоном усугублял боли в голове и простреленной руке взятого под стражу:

– Вы арестованы по подозрению в организации преступного сообщества и захвату заложника...

За спиной следователя, куда направил свой взгляд задержанный, ошетинилось поржавевшими крестами серое и безмолвное монастырское кладбище. Сергей не думал сейчас о смерти, все его мысли были о том, что путь свой он заканчивает бесславно...

И припомнился вдруг недавний разговор со своим лучшим боевиком, которому Сергей заявил без обиняков: «Герои не умирают – герои возвращаются». И чуть тише добавил главное: «Это не про нас».

Полчаса назад, когда на подворье монастыря появился Хамид в сопровождении двух кавказцев, у Сергея появилась надежда, что он все же сумеет избежать ареста и закончит свою криминальную карьеру эффектным аккордом, передав из рук в руки чеченскому террористу заложника – беспризорника, за которого ни на одной толкучке не дадут и рубля. Он послал искреннюю улыбку чеченцу, уверенному в том, что на своей роскошной «Ауди А8» он увезет сына богатого предпринимателя, и приветствовал гостя:

– Привет, Хамид! Как жена, как дети?

На встречный вопрос гостя о его здоровье хозяин обители ответил широким жестом в сторону подворья: дескать, он свободен в своем маленьком государстве.

– Товар готов?

– Ты всегда торопишься, Хамид, – качнул головой хозяин. – Разве тебе неинтересно взглянуть, как живет отшельник? Посидим, выпьем чаю...

Отказываясь, вальяжный гость покачал неприкрытой головой.

Спутники Хамида Биджиева молчали, на их лицах читалось полное безразличие к окружающему и беседе, а на глаза умело наброшена искусственная поволока, означавшая превосходство горячей кавказской крови над тепленькой розовой жижей, струящейся в венах настоятеля православного монастыря.

– Вадим! – крикнул Сергей, не оборачиваясь. – Тащи сюда пацана.

– Ваха сказал, что ты должен передать информацию о родителях мальчика, – напомнил чеченец.

– Конечно! Я все подготовил. – Отец Сергей вынул из кармана сложенный вчетверо листок. – Мальчик из богатой семьи, его отец – коммерческий директор совместного предприятия. Тут записаны все координаты. Только... – он проигнорировал движение гостя, протянувшего руку. – Только, как и договаривались, я хочу получить деньги за мальчика.

– Ваха велел передать, что с деньгами заминка. Получишь, как всегда, после внесения выкупа.

...Господи! Как невыносимо болит рука!.. А следовательно тем временем продолжал упираться своей властью над арестованным:

– Вы имеете право на адвоката, на личную безопасность в местах содержания под стражей, получать бесплатное питание...

Кладбищенские кресты, казалось, покосились еще больше, черные ограды в воображении Сергея походили на тюремные решетки.

Настоятель побледнел. В какой-то степени он был готов к такому повороту событий, но все же верил или хотел верить, что слово свое Ваха Бараев сдержит. Едва сдерживая себя, он произнес:

– Хорошие у меня компаньоны – дают слово и тут же забирают его обратно. – Он смотрел на чеченца с неприкрытой ненавистью.

– Мне велено передать, что эта сделка с тобой – последняя.

– Вот как? – сделав глубокомысленное выражение лица, Сергей покивал головой. – В таком случае Ваха просто обязан был прислать с тобой деньги. Ты заберешь мальчика, и где я вас потом буду искать?

– Нас не надо искать, мы сами тебя найдем, – не обращая внимания на недобрую ухмылку собеседника, ответил Хамид.

– Значит, Ваха вздумал меня проучить... Ну ладно. – Сейчас бывший подполковник спецназа жалел не о деньгах, а о потерянном времени и думал о том, что им не была учтена национальность своих компаньонов. Перед ним стоял человек, по виду которого никак не скажешь, что тот в своей жизни хоть чего-нибудь боится. Приехал сюда не как гость, а как хозяин и чувствует себя таковым в любом месте некогда нерушимого и могучего государства.

Краем глаза Сергей поймал фигуру своего боевика, который за руку вел мальчика.

... – Вы имеете право на восьмичасовой сон в ночное время и обязаны производить уборку камер в порядке очередности...

«Ваха! – скрипел зубами арестованный. – Сволочь!» Если бы не глупая вера в порядочность чеченца, не стоял бы он со связанными руками, слушая позади равномерное дыхание бойцов из группы захвата...

Сверху падали мелкие редкие снежинки; мороз был слабый, но Сергея знобило, как от лютной стужи. Чувствовал – если откроет рот, его смуглолицый собеседник услышит дробный стук зубов.

Но Сергей умел быстро успокаиваться. В очередной раз встретившись с бесстрашным взглядом Хамида, он уже улыбался. Не меняя выражения лица, сделал быстрое движение рукой.

Стрелял подполковник из пистолета своеобразно. Рука с оружием взметнулась на уровень глаз, голова с прищуренным глазом ушла глубоко влево и вниз так, что во время выстрела пистолет оказался чуть выше глаз стрелка. Но мысленно цель была зафиксирована, и пуля попала точно в переносицу Хамида. Еще одно молниеносное движение головой, словно стрелок уворачивался от ответного выстрела, и так же быстро сместилась его рука: на этот раз Сергей нажал на спусковой крючок дважды. Еще один выстрел в голову Хамида, и он «достал» третьего чеченца, запоздало подогнувшего колени.

В течение трех коротеньких секунд настоятель произвел шесть точных выстрелов.

И снова почувствовал озноб. Возбужденно пройдясь мимо тел (две жертвы еще дергались в предсмертных судорогах), обернулся на пленника.

Мальчик находился в шоковом состоянии, глаза его неотрывно смотрели на тела, корчившиеся в снегу.

... Губы следователя сложились в усмешку.

– Также вы имеете право на религиозные отправления в помещениях содержания под стражей...

«Сосунок», – скривился арестованный. За время штурма он десять раз мог ухлопать молодого работника прокуратуры, эту ходячую мишень, вооруженную пистолетом, равно как и заложника. Другое дело – майор-спецназовец. Нет, майору сегодня повезло, просто сегодня его очередь быть «первым среди равных», а завтра...

Сергей усмехнулся: теперь пора учиться измерять время не сутками, а годами...

Марковцев подошел к мальчику вплотную и стволом пистолета приподнял тому подбородок.

– Все из-за тебя, маленький волчонок! И откуда ты только взялся!..

Четыре боевика из его команды уже поднимались по широким ступеням монастыря, и настоятель равнодушно смотрел на их спортивные затылки. Если бы люди Бараева привезли деньги, этим четверым не жить, а сейчас Сергей окликнул своих анахоретов:

– Эй! Куда вы поперлись?! Уберите трупы. Машину – в гараж. – И подтолкнул заложника в спину. – А ну пошел!

Его рука с девятимиллиметровым «вальтером» взметнулась вверх. Привычно дернулась вниз и влево голова Сергея...

Потом...

Потом отрывистые выкрики подоспевших спецназовцев, называвших его по имени:

– Сергей! Вы окружены!

– Сдавайся, Сергей!

– Сергей! Сопротивление бесполезно!

Они брали коллегу, брали «уважительно». Майору, командиру спецподразделения, было проще прострелить ему голову, но он, рискуя, усложнил себе работу. Но даже с простреленной рукой, без оружия подполковник представлял серьезную угрозу.

... – Вам понятны ваши права, Сергей Максимович?

Арестованный опустил голову, не отвечая на вопрос работника прокуратуры.

Следователь повысил голос:

– Ты понял, Сергей Максимович?

– Да, – выговорил наконец настоятель.

– В машину его, – приказал следователь спецназовцам.

Какая-то необъяснимая смесь тоски и безразличия охватила Сергея еще в тот момент, когда он, связанный, лежа за иномаркой в компании убитых им кавказцев, непослушными губами глотнул снега. Снег таял во рту стремительно, как и свобода, с которой подполковник прощался на долгие, долгие годы...

Часть I

«СРЕДИ ПОДЛОСТИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА»¹

Глава 1

НЕ В СВОЕ ДЕЛО

1

Чеченская Республика, октябрь 2000 года

– Андрей, ты, что ли?

Капитан Андрей Макеев не сразу узнал в бросившемся ему навстречу офицере-связисте Славку Воронкова, с которым они заканчивали одно военное училище. Надо же – такая встреча в первый же день пребывания Андрея на чеченской земле!

Воронков затащил новичка к себе в батальон и обрушил на него столько информации, что у Макеева голова пошла кругом. Он и раньше предполагал, что секретов на Второй чеченской не существует. Об этом можно было судить хотя бы по бесчисленным репортажам красующихся на «броню» журналистов. Те ходили с разведчиками в дозоры, несли службу на приграничных КПП и блокпостах, показывали рукой на дымовую завесу очередного подожженного нефтяного завода, с точностью до миллиметра указывали, где в данное время сидит чеченский снайпер и в какое время тот начнет стрелять по позициям российских войск.

Захмелевший от «Столичной» Воронков отличался от журналистов лишь замутненными глазами и неопрятным видом. Форма на нем была мятой, сапоги – тяжелыми от налипшей грязи, подбородок не брит. И все же Воронков явно форсил перед однокашником, одетым с иголки: ведь он давно боевой офицер, а Андрей только первые сутки на войне. Но что-то недоброе было во взгляде Славки, который надолго задерживался то на высоком лбу Андрея, то на его полных губах. Макеев в Чечне в краткосрочной командировке, прибыл всего на месяц, а Воронков торчит тут седьмой. С таким же выражением на лице он, кивая в сторону приземистого здания на окраине Керла-Юрта, называл новгородских омонцев жлобами и всепогодными истребителями. Спрашивал, видел ли Макеев полста пьяных в стельку бугаев и прочее в таком же духе.

На другой день, когда Андрей наконец добрался до места назначения, он прогулялся по территории обнесенного колючей проволокой военного городка, где базировались две роты его родного батальона связи. Местом же постоянной дислокации батальона была воинская часть, расположенная между Луховицами и Коломной, станция Черная. По слухам, этот мощный радиоцентр Московского военного округа и Генштаб соединяла секретная ветка метро.

Разговор с Воронковым, оставивший в душе неприятный осадок, Макеев постарался забыть, но вспомнил о нем на второй день своего боевого дежурства. Слово «боевого» тоже кривило губы капитана. Во-первых, никакие боевые действия сейчас не проводились, активно работали лишь блокпосты, КПП, инженерная разведка, да по ночам совершали рейды войсковые разведчики. Во-вторых, задача, поставленная Макееву командованием, была едва ли не

¹ Заголовки 1-й и 2-й частей взяты из песни Николая Носкова «Это здорово».

учебной, скорее – технической: испытание комплекса в боевых условиях и при сложных погодных факторах.

Макеев заступил на дежурство ровно в половине девятого утра. Капитан командовал экспериментальной базой радиоперехвата и пеленгации «Пчела».

– Почему «Пчела»? – осмотрев станцию, любопытствовал он у Евгения Михайловича Петровского, пятидесятилетнего представителя компании «ВымпелРос», которая разработала этот комплекс, напичканный новейшей аппаратурой и топорщившийся снаружи диковинного вида сателлитами.

Помимо капитана – старшего офицера связи, его помощника и двух прапорщиков-операторов, в тесном салоне базы находились сам конструктор и его ассистент Любовь Серова, неопределенного возраста особа.

– Название довольно меткое, – сочным баритоном отозвался Петровский, постоянно обмакивая лысину носовым платком. – Пчела улетает от улья за семь-восемь километров и всегда возвращается. Пчела передает точную информацию о группе цветов и медоносных трав другим пчелам. Вот и наша «пчелка» способна не только осуществить радиоперехват с расшифровкой сообщения, но и запеленговать рацию и указать ее точное местонахождение с минимальной погрешностью. К примеру, бойцы, которые нас охраняют, выходят в эфир на частоте 843,3 и используют сложный двоичный код. У них очень мощные и современные радиостанции.

– Откуда вы это узнали? – удивился Макеев.

– Если это для кого-то и секрет, – улыбнулся Петровский, – то только не для меня. У нас же с вами определенная задача – испытание комплекса в боевых условиях, при сложных погодных факторах, соответствующих помехах – скажем, работе артиллерии, авиации.

Евгений Михайлович снимал показания с приборов, скрупулезно заносил данные на магнитофонные носители и диски переносного компьютера. Потом, уединившись в своей палатке, анализировал и перепроверял полученные данные. В Петровском все выдавало человека, способного сутки напролет просидеть за монитором: сутулый, с неподвижными глазами, вечно наклоненной головой и соответствующим взглядом исподлобья.

Любовь Владимировна, расположившаяся в одной палатке с шефом, покидала брезентовое убежище в исключительных случаях. В подразделении было пять или шесть связисток, но ни с одной из них Серова не поддерживала ровно никаких отношений.

Если бы капитана Макеева привезли на место с закрытыми глазами и сняли повязку лишь по прибытии, если бы не было остановки в расположении батальона связи, где произошел тот откровенный разговор с Воронковым, Андрей вправе был усомниться в разнужданности российских военных, о которых твердили журналисты НТВ, корреспонденты «вражеских» радиостанций или наблюдатели от международных организаций. В подразделении, куда на время отладки оборудования поместили «Пчелу» и обслуживающий персонал станции, царил строгая, какая-то мрачная дисциплина. А если быть точнее, то здесь вообще не слышались командные голоса офицеров, не было утренних построений, разводов. Да, как и положено, бойцы несли караульную службу – но это было единственное уставное мероприятие.

На балансе этого странного подразделения, именовавшегося отдельной ротой охраны, где все бойцы казались глухонемыми, имелись две стандартные передвижные станции радиоперехвата на базе «ГАЗ-66» и четыре БТРа. Личный состав роты располагался в палатках, стоявших особняком от расположения связистов, хотя и носил эмблемы войск связи.

Однако эта рота не имела к ним никакого отношения, как, впрочем, и к подразделениям охраны. Она относилась к 118-му отдельному батальону; по странному стечению обстоятельств место постоянной его дислокации оказалось рядом с воинской частью, где проходил службу Андрей Макеев, в тридцати километрах от Коломны. Три роты батальона именовались либо по старинке – парашютными, либо более современно – штурмовыми. Эта же, четвертая, рота

носила еще более простое название: диверсионный отряд. Который, как никто другой, должен был обеспечить надежную охрану новейшей передвижной базы «Пчела».

Вместе с тем три разведрасчета роты поочередно совершали глубинные разведывательные рейды. Полученная разведчиками информация вкупе с работой электронной разведки, осуществляемой связистами, давала полную картину о местонахождении бандитских формирований.

2

Месяц спустя

Макеев вышел на свежий воздух и закурил сигарету. Вечерело. Шел мелкий снег, но таял, едва коснувшись земли. Не прошло и пяти минут, как снежок сменился морозящим дождем. Коричневатая глинистая колея под ногами на глазах заполнялась водой. С пригорка за колючим ограждением заструился ручеек и юркнул в отводящую траншею. Ветер усиливался, дождь уже хлестал в плащ-палатку капитана, намочил вторую сигарету, прикуренную от первой. Но Андрей не спешил к себе, в теплое помещение передвижной базы, он ждал выхода из палаток бойцов отдельной роты. Одетые в камуфляж разведчики появлялись обычно с наступлением сумерек и растворялись в темноте. В расположение роты они возвращались лишь на третьи или четвертые сутки с усталыми, хмурыми лицами.

Макеев составил для себя график и знал, когда в рейд отправится расчет старшего лейтенанта Заплетина. Андрей и хотел и боялся получить подтверждение возникшему у него подозрению, от которого его знобило куда сильнее, нежели сейчас на холодном, сыром ветру.

Все началось с того, что он начал фиксировать места выхода в эфир разведчиков. Их радиостанции работали на частоте, выявленной Петровским, и сигнал шел в закодированном виде. Ближе к этой частоте работали и станции некоторых полевых командиров – последние пеленговались легко и считывались быстро. «Пчела», буквально проглатывающая весь эфир, с точностью до нескольких метров переносила на электронную карту пеленг работающих станций.

И вот уже пару раз рации полевого командира Рустэма Давлатова (позывные «Индус») и старшего лейтенанта Заплетина выходили в эфир практически с одной точки. Поначалу Макеев не поверил своим глазам. Складывалось впечатление, что Давлатов и Заплетин мирно беседовали, а затем один сам выходил в эфир, а другого вызывали по радио – об этом сигнализировала электроника «Пчелы». Спустя три недели ему пришлось наблюдать схожий случай.

Капитан на сто процентов был уверен, что в переносном компьютере Петровского можно найти эти два необычных выхода в эфир. Но не терял надежду, что сможет подкрепить зародившееся в груди сомнение относительно группы Заплетина еще одним сеансом связи. Правда, надежда на это была слабой, два случая скорее составляли исключение, и разделяло их целых двадцать три дня.

Еще раньше Макеев заметил некоторую странность в рейдах разведгрупп. Случалось, что, выходя в эфир на обусловленной частоте, разведчики сообщали свои координаты командиру роты майору Казначееву. И несколько раз пеленг показывал, что находятся они совсем в другом месте.

Первая мысль была более чем естественной: разведчики и должны так поступать, вводя противника в заблуждение. Все так. Но чеченские боевики не имеют станций пеленгации и радиоперехвата, они могут слушать российских военных на определенных частотах, но им не под силу расшифровать сообщение, на подобную операцию без специального оборудования уйдет не один миллион лет. Тогда к чему бойцам отдельной роты подобный спектакль в эфире?

Ответ так же прост: привычка. Отступление от правил невозможно даже при выполнении учебных рейдов...

Уже завтра «Пчелу» под надежной охраной переправят в Моздок, а дальше – эшелонами для доработки и окончательной отладки на предприятие-изготовитель «ВымпелРос». Закончится и командировка Макеева. Он пробыл в проклятых горах всего двадцать девять дней, тогда как остальные его сослуживцы-связисты – минимум три месяца. И останутся в этом негостеприимном краю, где погода с каждым днем портится.

Спички на сыром ветру не хотели зажигаться. Макеев повернулся спиной к мощному воздушному напору и, наклоня голову, укрытую капюшоном, прикурил очередную сигарету. Капитана непреодолимо тянуло посмотреть в глаза Заплетину, когда тот будет проходить мимо. Для чего – Андрей и сам не знал, точнее, не мог понять себя. Вряд ли он что-то прочтет во взгляде старшего лейтенанта, тот даже не посмотрит в сторону связиста. Может, Макеев ожидал внутреннего толчка, который даст ход беспокойным мыслям, и те приобретут законченность? А мысли эти несмело вертелись вокруг жесткого слова: предательство.

А вот и тяжелые шаги разведывательного расчета. Они станут неслышными, когда разведчики шагнут за колючую проволоку и их поглотит ночь. Так же неожиданно эти парни и появятся; грязные ботинки снова приобретут свойство стонать под тяжелым шагом и грузно прошлепают вдоль глинистой колеи.

Виктор Заплетин шел впереди группы. Как всегда, он даст дорогу отряду на выходе из «зоны»; последний боец пропустит командира и замкнет колонну.

Макеев кивнул старшему лейтенанту, хотя командир разведгруппы смотрел только вперед. Но, поравнявшись с капитаном, Заплетин повернул голову, медленно, нехотя окидывая связиста с головы до ног тяжелым взглядом. Сумрак. Но все же можно разглядеть суровые черты лица Заплетина, широкий шрам на подбородке, белесые, как у альбиноса, брови.

Через три-четыре метра старший лейтенант обернулся и снова взглянул на Макеева. Словно почувствовал спиной тот страх и непреодолимое волнение, которые заставили связиста сузить глаза и поспешно отвернуться. Андрей уже жалел, что решился на опасный эксперимент. Зажав в кулаке потухшую сигарету, Макеев быстро поднялся по металлической лестнице. Неслышно открылась дверь, пропуская капитана в тамбур, где уже чувствовался спертый воздух станции. Не к месту пришла мысль о кондиционере. «Нужно сказать Петровскому, чего не хватает внутри «Пчелы»: свежего воздуха».

Макеев в полной темноте снял намокший плащ, стряхнул его, повесил на крючок и вошел внутрь.

– Евгений Михайлович, – Андрей указал рукой на электронные часы, – кажется, вам пора заканчивать.

Сам капитан частенько оставался на станции допоздна, хотя круглосуточное дежурство на «Пчеле» было необязательным.

– Да, пора, – даже не взглянув на часы, Петровский закрыл все программы и выключил свой ноутбук. Капитан многое бы отдал, чтобы пообщаться один на один с переносным компьютером конструктора, но тот всегда забирал его с собой в палатку. Компьютер был нашего, российского производства. И его программное обеспечение было по-военному строгое, без излишеств. Макеев давно пригляделся к нему и без особого труда разобрался даже на расстоянии. Но к компьютеру Петровский относился ревностно и, кроме Серовой, не подпускал к нему никого.

Хотя Макеева ему отрекомендовали как одного из наиболее опытных связистов в Московском военном округе, поначалу Петровский подумал, что ему подсунили совсем не связиста, а офицера, проходящего службу в единственном отделе военного ведомства, не имеющем номера: особом. Но уже на первом дежурстве капитан доказал, что он – высококвалифицированный офицер связи. После этого подозрение пало на лейтенанта, помощника Макеева, с

которым тот был подчеркнуто официален. На этот раз ошибки не произошло. Сам Макеев с первого дня командировки понял, что навязанный ему помощник – из особого отдела штаба дивизии или же армии. В противном случае, он бы сам выбрал кого-нибудь из ребят своего батальона.

– Жаль, что наша с вами работа подходит к концу, – сказал Петровский, пожав Андрею руку и направляясь к двери.

3

Этого человека, чье лицо скрывала стандартная вязаная маска, расчет старшего лейтенанта Заплетина ровно десять дней назад встретил на грузинской границе, в районе самой высокой точки пограничного хребта, на правом берегу Аргуна, и проводил в лагерь чеченского полевого командира Рустэма Давлатова. Шли на пределе, почти сто километров по горным тропам и в основном ночью, прихватывая лишь предрассветные часы. Дорога была хорошо знакома и в общей сложности занимала чуть больше суток. Хотя иногда разведчикам приходилось подстраиваться под клиента. А если переправляли в Грузию или Азербайджан раненого, времени уходило в полтора раза больше. Теперь «маску» следовало переправить в дагестанский Ботлих, а это совсем рядом.

Рустэм Давлатов отозвал старшего лейтенанта в сторонку и, поигрывая по привычке ножом, сказал:

– Передай Казначееву, чтобы в следующий раз переслал с тобой деньги. У нескольких моих людей заканчивается контракт, и мне нужно расплатиться с ними. Заодно проводишь их.

– Майор тоже велел передать кое-что. – Заплетин был высокого роста, с крепкими веснушчатыми кулаками. Он провел рукой по наголо стриженной голове, из-под припухших нижних век посмотрел на влажную ладонь и вытер ее о куртку. – Мы уже в который раз порожняки гоняем... Готовь своих арабов к другой прогулке. – Он широко, наигранно улыбнулся, а взгляд продолжал оставаться тяжелым. – Десяти хватит. Из рейда мы возвращаемся завтра, так что давай на завтра и договоримся...

Заплетин не знал, кто стоит за спиной командира роты во всех этих делах, мог только догадываться. Не особо он и старался выяснить, что за человек скрывается под «маской». Судя по всему, личность влиятельная, лица не показывает, значит...

Обычно в этом месте Виктор прерывал себя. За девять месяцев он повидал немало влиятельных и уважаемых в Чечне людей. Их уважали и спецслужбы России, даже Интерпол с удовольствием пообщался бы с ними. Некоторые из них до сей поры числятся убитыми. Но нет, живые, платят хорошие деньги, свободно пересекают границу.

Правда, не все. Ахмеда-однорукого, Хаттаба, Виктор не просто не видел, а точно знал, что за время боевых действий иорданец ни разу не покидал землю, на которую пришел воевать. Спит в землянках, в окопах и будто набирается в них сил. Иорданец даже не воин, а фанатик. Единственный полевой командир, в отряде которого не было раздоров. Хотя разговоры о том, что Хаттаб платит хорошо и честно, только часть правды. Некоторым честно отработавшим иорданец здоровой левой рукой лично перерезал глотки, отрубал уши и скармливал собаке.

Обговорив детали завтрашнего мероприятия, Заплетин попрощался с Индусом и отметил время. Пора докладывать Казначееву. Он вышел на связь и коротко сообщил:

– «Один-одиннадцать» на связи. Нахожусь на высоте один полста четыре четыре. Попробую прочесать соседний квадрат. Отбой.

* * *

Высота 154,4. Капитан Макеев отметил место, откуда вышла в эфир рация разведчиков. И в этот раз координаты, которые сообщил Заплетин, не соответствовали действительности. Оглянувшись на лейтенанта-особиста, сидящего к нему спиной, Андрей отметил на электронной карте пеленг. Получалось, что Заплетин ошибся минимум на четыре километра. Вот только диверсанты не ошибаются в определении своего местонахождения, в первую очередь их как раз учат мастерству точного ориентирования, связи и определения координат. Без этой науки любой разведчик не стоит ровным счетом ничего.

Макеев ждал, надеясь, что в месте реального выхода в эфир Заплетина проявит себя еще одна станция. До этого все радиоперехваты, за исключением выхода в эфир разведгрупп, операторы экспериментальной «Пчелы» пересылали штатным связистам. Интересно, подумал Андрей, если отдать пеленг обеих радиостанций, обратят там, дальше, на это внимание или нет? Очень интересно. Но опасно. Первым, кто получит данные, будет непосредственный начальник Заплетина майор Казначеев. А майор мог быть в доле – пришло на ум коммерческое, но довольно точное определение. Также в доле могли оказаться и вышестоящие начальники Казначеева, занимающие кабинеты в управлениях и отделах Главного разведывательного управления – ГРУ. И вообще любой военный был опасен для Макеева, рискни он рассказать о своих догадках. Сор из избы выносить никто не будет. Если и вынесут, то незадачливого капитана.

Андрей в очередной раз, словно примериваясь, посмотрел на особиста. Тот ничего не заподозрил, связист из него посредственный. Также в неведении остаются операторы, сидящие на радиоперехвате.

Нет, не сейчас и не здесь.

Макеев, конечно, слышал о противостоянии ГРУ и ФСБ. Оно было и остается еще со времен создания военной разведки, что давно ни для кого не секрет. Стало быть, выбор был небогатый: либо молчать, либо обратиться в ФСБ. Вернее, в составную часть этой спецслужбы – военную контрразведку. Или все же воспользоваться третьим вариантом?.. Андрей представил себе, как он добивается аудиенции у главкома Объединенной группировки войск в Чечне; как главком спрашивает о том, кто еще в курсе. Этот вопрос генерала станет едва ли не последним для Макеева. Какой здравомыслящий генерал позволит, чтобы на всю страну прозвучали обвинительные слова против армии? При чем такого масштаба. Тут мелкие прегрешения скрывают, а про явное предательство или пособничество чеченским боевикам и говорить не приходится. Не случайно пропадали вдруг любознательные репортеры.

Мысль о журналистах взбудрила Андрея ненадолго – след за борзописцем, которому он сообщит о своих подозрениях, исчезнет и он сам. Это лишь оттяжка времени. Скорее всего, остается только одно: молчать.

Макеев сидел на своем рабочем месте, покручивая ручку тонкой настройки, когда чуткие антенны уловили выход в эфир станции. Система радиоперехвата через спутник засекла знакомые позывные: «Индус». На волне открытым текстом звучал голос чеченского полевого командира. Давлатов говорил на арабском. Сообщение, перехваченное не только «Пчелой», но и соседней станцией, в срочном порядке переведут, оно ляжет на стол командира роты разведчиков и пойдет еще дальше.

– Товарищ капитан, вы засекли «Индуса»?

Не поворачивая головы к прапорщику, сидящему в полутора метрах, Макеев утвердительно кивнул. Он быстро набросал короткую справку и вручил ее помощнику. Лейтенант на ходу пробежал документ глазами и вышел из базы. В справке было названо местоположение

одного «Индуса». Группа старшего лейтенанта Заплетина упоминалась лишь в связи с ее выходом в эфир. Пеленг указывался собственно со слов командира группы.

Может, обратит внимание на этот факт майор Казначеев? Макеев теперь подыгрывал. Не зная, кому и в чьей игре. Так было лучше. В случае чего он докажет, что реальный пеленг скрывал. Догадывался, но благоразумно не лез в дебри. При таком раскладе можно рассчитывать на снисхождение.

Андрей вздохнул и обхватил голову руками. Как же поступить? Минуту назад он на мгновение поддался слабости. Вот только неясно: смалодушничал или сделал правильный выбор?

Глава 2

СИЛОВАЯ РАЗВЕДКА

4

Второй рейдовый день

Виктор Заплетин с нарастающим раздражением смотрел на лейтенанта Пантюхина, который с расстояния пяти метров бросал нож в дерево, неторопливо подходил, вытаскивал свое метательное оружие, возвращался назад, замахивался...

И так уже полчаса.

Первым не выдержал заместитель командира расчета одноглазый лейтенант Скумбатов, прикрикнувший на Пантюхина:

– Пантера! Бросай-ка ты свои упражнения!

– А ты прикажи мне.

Кусок стали небесного цвета снова рассек воздух и глубоко застрял в стволе.

– Я приказываю тебе, – терпеливо произнес одноглазый, одетый, как и все остальные бойцы, в униформу защитного цвета и высокие ботинки.

– Командовать будешь, когда убьют Запевалу.

Пантера, невысокого роста худощавый паренек, в очередной раз сходил к дереву, вытащил нож и все же убрал его в ножны, закрепленные на правом бедре.

Лицо у Михаила Пантюхина было слегка продолговатым, но мужественный подбородок не позволял назвать его узким. С легким прищуром, взгляд Пантеры тем не менее был всегда открытым. Упрямством и неуступчивостью парень отличался с самого детства, хотя худее и слабее его мальчишек в классе не было. Как-то раз ему навешали тумачков, и Михаил в срочном порядке записался в секцию рукопашного боя. Больше к нему никто не приставал. Дальше – аэроклуб, прыжки с парашютом, десантное военное училище, 118-й отдельный батальон.

– Может, прения откроем? – предложил Григорий Найденов по кличке Подкидыш, голубоглазый, с язвительным складом губ лейтенант. Он расположился под деревом, в которое метал нож его товарищ, и равнодушно наблюдал за холодным оружием, оканчивающим свой полет в тридцати сантиметрах над его головой.

– Надоело, – отозвался светловолосый разведчик, которого в расчете звали Скутером. Он был чуть повыше Пантеры, но такой же худой. – Скоро по всем нам прения откроют. Запевала, чего ты молчишь? – сероватые глаза разведчика неотрывно смотрели на командира.

Заплетин сидел на корточках у соседнего дерева и на вопрос товарища не отреагировал.

Разведчики по-прежнему находились в плановом рейде. От расположения роты их отделило почти два десятка километров. Они нашли уютную лошину, чтобы отдохнуть час-полтора и продолжить свою работу.

– Да, – настаивал на своем Найденов, – скоро по нам откроют прения и остановятся на версии...

– Подкидыш, заткнись, а? – Коля Чернов по кличке Злодей, самый здоровый в отряде – рост под метр девяносто, вес девяносто два – хмуро посмотрел на товарища.

– Да, – не унимался Подкидыш, – откроют прения и спросят: отчего это загнулся Злодей?

Чернов нашарил рукой здоровенный сук и швырнул его в сторону Подкидыша. Но угодил в ногу Скутера – лейтенанта Алексея Горчихина.

– В лоб захотел? – поинтересовался Скутер, который был чуть толще попавшей в него палки. – Ладно, ладно, Злодей, не вставай, я сам к тебе подойду!

– Хватит грызться! – прикрикнул на подчиненных Заплетин.

Всего их в этой лощине собралось тринадцать человек. Эти непохожие люди с разными характерами, комплекцией, но общим настроением и были расчетом старшего лейтенанта Заплетина – диверсионной группой. Такие отряды называют по-разному – силовой разведкой, разведкой специального назначения, диверсантами, – но смысл от этого не меняется.

Они не раз доказывали, что являются мастерами своего дела. Диверсант – это не гора мышц, не свирепый взгляд на полузверином лице, диверсант – это в какой-то степени мировоззрение. Самому старшему из разведчиков – заместителю командира лейтенанту Александру Скумбатову стукнуло недавно тридцать два. Самому младшему – Мише Пантюхину – двадцать четыре. Хотя послушать их со стороны – заблудившиеся в лесу новобранцы, сбежавшие из части, пикируются между собой, решают, что же им делать дальше.

Тем не менее это был единый организм, способный решить любую поставленную задачу.

У них не было пулеметов с вращающимся блоком стволов, гранатометов и прочего тяжелого вооружения. Разведчики предпочитали надежные автоматы Калашникова, автоматические пистолеты Дегтярева, холодное оружие и гранаты.

Они никогда не обсуждали полученное задание, не задавались вопросами о смысле и качестве приказов – не дело профессионалов обсуждать приказы или анализировать их. Анализ поддается лишь информативная сторона, то бишь детали операции.

В рейдах разведчики выслеживали в чеченских лесах и горах бандитские группировки и уничтожали их. Но они выполняли и другие задания, вынуждавшие их задумываться о своем личном качестве. Вопросов было много, но даже Заплетин не мог ответить на большинство из них.

– Запевала, чего ты молчишь? – снова подал голос Скутер.

– Я думаю. – У Заплетина не выходило из головы странное поведение капитана-связиста с ПБРП «Пчела». Но своими подозрениями Виктор не спешил делиться с товарищами.

– О-о, – протянул Найденов, перехватив взгляд Скутера, – командир думает. Это надолго. Навсегда.

Бросив взгляд на часы, Заплетин поднялся на ноги.

– Подъем. Пора встречать наемников. Скутер, вперед!

Командир диверсантов пропустил вперед себя Горчихина с автоматом на шее, Пантеру, Македонского, Рубильника... Когда к ним присоединились дозорные Моряк и Подкова, Заплетин, как всегда, занял предпоследнее место в колонне, которую замыкал здоровила Чернов. Все лейтенанты.

Они вышли из лощины и, легко ориентируясь на местности, через два часа подошли к назначенному Рустэмом Давлатовым месту.

5

В ущелье с невысокими покатыми скалами и склонами с осыпями, вершины которых украшал стройный гребень лиственных деревьев, разведчики спустились не сразу. Вперед, к двум базальтовым скалам, прижимающим быстрый ручей, командир послал группу дозорных. Как обычно, эта работа досталась самым легким и юрким, как змеи, – Подкидышу, Скутеру и Пантере, которых в шутку называли «три поросенка».

«Поросята» в течение получаса изучали этот район ущелья, затем выдвинулись на пятьсот метров к югу, внимательно осмотрели местность и вернулись.

– Девять человек. С ними никого нет, – доложил Подкидыш.

– Схрон нашли? – спросил Заплетин.

– Во-он там, – Найденев указал на подножье скалы. – Небольшая пещерка. Замаскирована неплохо.

– Ладно, проводим наемников. Пантера, вступай в контакт. Рубильник, Моряк, страхуете Пантеру справа. Македонский, Подкова, – берите левую сторону. Остальные со мной, будем выдвигаться следом.

...Скрываясь за деревом, Михаил Пантюхин в течение нескольких минут наблюдал за группой наемников. Расстояние до них составляло порядка двадцати метров, но боевики Рустэма Давлатова не замечали разведчика.

Их было девять человек. Шестеро – явно арабы, одеты в классическую, уже не новую униформу и тяжелые рифленые ботинки. Отсутствие растительности на исхудавших лицах говорило, что срок их контракта подошел к концу и они возвращаются – кто домой, кто еще на какое-то время задержится в учебном центре Давлатова, расположенном в Азербайджане, юго-западнее Закаталов, чтобы потом снова возвратиться в Чечню. Все вооружены автоматами Калашникова и ножами. Каждый из наемников был опытным бойцом, прошедшим специальную подготовку.

Понаблюдав за бандитами, Пантера тихонько свистнул.

Те боевики, что сидели на корточках и о чем-то тихо переговаривались, мгновенно залегли, изготовив автоматы. Остальные, также с оружием на изготовку, фиксировали каждый ствол дерева, определяя, откуда раздался свист.

Теперь уже полностью скрываясь за деревом, чтобы не получить нечаянную очередь из автомата, Пантюхин подал очередной сигнал и выставил руку, открывая свое месторасположение.

– Друг? – негромко позвал араб в клетчатом нашейном платке и черной вязаной шапке.

– Друг, – подал голос Пантера, появляясь из-за дерева. Одну руку он держал на цевье «калашников», другая свободно свисала вдоль туловища.

Пантюхин приблизился и изучил наемников, трое из которых надели солнцезащитные очки. Впрочем, особой нужды в этом наблюдении не было: все они оказались словно на одно лицо. А вот лицо еще одного бандита скрывала раскатанная до подбородка шапочка с прорезями для глаз.

– Готовы? – спросил лейтенант, задержав свой взгляд на парне в маске. Глаза у того не темные, как у арабов и кавказцев, а голубые. Ему стоило надеть поверх маски солнцезащитные очки, чтобы окончательно скрыть свою принадлежность к славянам. Бойтся, зная, что сталкерами сегодня являются российские военные. Собственно, они были одного поля ягода, но наемник страховался, прекрасно зная, как относятся к славянам, сражающимся на стороне чеченцев.

– Да, командир, готовы, – откликнулся араб-наемник на довольно чистом русском. – Сколько нам идти? Сутки?

– Идти нам девяносто с небольшим километров, – внес ясность Пантера, – через Дагестан. Часов шестнадцать-восемнадцать в хорошем темпе. Раненые среди вас есть? – Пантюхин указал на «маску»: – Мне показалось, у тебя повязка сползла на глаза.

Тот машинально коснулся кончиками пальцев маски в районе брови, но тут же резко отдернул руку.

Пантера незаметно усмехнулся.

– Раненых нет, – ответил араб в платке. – Когда пойдем?

– Не торопись, успеем. – Михаил посмотрел на часы и предупредил боевиков: – Не дергайтесь, сейчас увидите остальных. – Он поднял над головой руку, подавая товарищам сигнал.

Диверсанты будто «соткались» из пожухшей травы, ломкого кустарника, россыпи камней, из черных ноздрястых валунов и тумана.

Кое-кто из наемников вздрогнул, глядя на русских разведчиков, бесшумно ступающих по молочному коврику из тумана.

Араб снова подал голос:

– Командир...

Пантера перебил его, делая шаг назад и показывая на высокую фигуру Заплетина:

– Он командир.

Старший лейтенант приблизился к группе наемников, положил палец на спусковой крючок автомата и негромко скомандовал:

– Мордами в землю!

Араб округлил глаза, его рука автоматически схватилась за «калашников».

Заплетин чуть опустил ствол и дал короткую очередь в живот наемнику. Моряк и Подкова с флангов положили крайних боевиков, остальных бандитов разведчики взяли в кольцо.

– Стволы на землю! – Заплетина дал еще одну очередь под ноги наемникам. – На колени! Руки держать перед собой вытянутыми! Не вверх! Я сказал: перед собой вытянутыми!

Виктор ногой ударил араба, не выполнившего команду. Тот схватился за разбитое лицо, но снова получил тяжелым ботинком по смуглой роже.

– Перед собой, не понял?

Еще один удар, и «поплывший» наемник вытянул руки.

Пантера подошел к «маске», стоящей на коленях третьим слева.

– Встать!

Ноль эмоций.

Из протрации Пантюхин вывел славянина привычным способом, рубанув острым, как бритва, десантным ножом-мачете по вытянутой руке. Нож – это когти Пантеры, и он владел им, как руками. Сталь почти отсекала кисть наемнику.

– Встать!

Вместо этого бандит повалился на землю, воя и прижимая к животу изувеченную руку.

– Кто тут у тебя? – спросил, подходя, узкоплечий Скутер. – Опять, наверное, харьковчанин. Режешь, режешь вас, б...й сальных... – Горчихин убрал автомат за спину, коленом надавил в середину спины наемника и сорвал с него маску. Потом рывком поднял на ноги и развернул к себе лицом. – Здоровеньки булы! Куды собрался, видоплясов? На ридну Украину? К гарным дивчинам?

У украинского наемника оказалось грубое овальное лицо, массивный подбородок покрыт недельной щетиной, короткие светлые волосы слиплись под шапкой и курились на морозном воздухе.

– Фамилия, имя, откуда родом, где проходил подготовку? – потребовал Пантера, поменяв мачете на нож с длинным, семнадцатисантиметровым, лезвием и самшитовой рукояткой, который он метал в дерево на привале.

Видя, что наемник не реагирует на его слова, лейтенант поднял руку с ножом.

– Опустит-ка его, Скутер.

– Нет! Стой! Я скажу! – лихорадочно выкрикнул украинец, пережав пальцами здоровой руки перерезанные вены на другой. – Ящук Леонид Георгиевич. Городницы, Житомирская область. Готовился в диверсионном центре Рустэма Давлатова. Начальник школы Увайс Рагимов, чеченец.

– Все?

– А что еще? – высохшие губы наемника плясали. Его начало знобить, и он, морщась от нестерпимой боли, стонал и все сильнее прижимал руку к груди.

– Когда тебя забросили в Чечню?

– В начале июля. Но я не убивал никого.

– Тебя об этом не спрашивают. Запевала! – позвал Пантюхин командира. – Тут клиент из диверсионного центра.

Заплетин в это время занимался двумя наемниками из Татарстана, выдававшими себя за арабов. Старший лейтенант оставил их на попечение бойцов и подошел к Леониду Ящуку вплотную.

– Смотреть в глаза! – приказал он наемнику. – Пантера, будь рядом. Если он замешкается, отрубишь ему вторую руку. Потом голову.

Командир разведчиков, не отрывая от Ящука взгляда и не мигая, очень долго вынимал сигареты, чиркал спичками и раскуривал «Приму».

– Особенности центра, кто преподаватели? Отвечай, живо!

Заплетин слушал Ящука, и в какой-то момент на его отнюдь не мягком лице проскользнула явная заинтересованность.

– Как фамилия того полковника? – спросил он, когда Ящук умолк.

– Я не знаю.

– Пантера! – позвал, не оборачиваясь, Заплетин.

Пантюхин поиграл ножом и сощурил глаза.

– Отойди-ка в сторонку, Запевала, – попросил он командира.

Они называли друг друга по кличкам и только по кличкам, порой забывая свои имена. Это правило распространялось не только на время рейдов – в расположении палаток роты тоже не звучало никаких имен. В эфир выходили каждый под своим порядковым номером. Первый расчет начинался с цифры 1. Командир расчета Заплетин имел позывные «один-одиннадцать», лейтенант Пантюхин – «один-четыре». Сейчас боец с позывными «один-четыре» готов был выполнить приказ командира, сжимая удобную рукоятку ножа.

– Я не знаю! – предчувствие близкого конца выбило из глаз украинца слезы. Он рухнул на колени и глядел то на высокого командира расчета, который должен был проводить людей Давлатова до границы с Азербайджаном, то на маленького разведчика с кошачьим взглядом. – Я не знаю его фамилию. Я даже его лица ни разу не видел. Он высокий, грузный...

– Встать! – распорядился старший лейтенант, послушав Ящука еще минуту-две. – Скутер, подними его.

Горчихин легко, без особых усилий оторвал бандита от земли и поглядывал на Пантюхина.

Поймав утвердительный кивок командира, Пантера сделал шаг вперед.

– Отпусти его, Скутер.

Алексей резко отпрянул, когда с коротким замахом Пантера по самую рукоятку вогнал нож под ухо наемнику. Выдернув лезвие, Пантюхин по привычке вытер его об униформу боевика. Тот стоял навтыжку, словно сверху его проткнули ломом. Из-под уха хлестала кровь, она шла и из раскрытого рта, а украинец все стоял, широко открытыми глазами глядя прямо перед собой. Наконец колени его подогнулись, и бандит рухнул вначале на колени, а потом завалился на бок. И еще долго смотрел в землю, при этом часто моргая.

Пока он, умирая, хлопал глазами, разведчики выстроили остальных наемников в шеренгу и встали им за спины.

– Бегом! – Заплетин и Скумбатов подстегнули бандитов автоматными очередями. Другие разведчики приготовили гранаты. Как только шеренга наемников достигла уходящей круто вверх скалы, РГД-5 полетели им вдогонку.

Взрывами арабов разбросало в стороны. От одной гранаты вверх не взлетишь, а от десятка их подкидывало, переворачивая в воздухе изуродованные тела. Взрывная волна мгновенно переокрасила их смуглые лица в кроваво-черный цвет, осколки испарывали одежду и вырывали куски мяса.

Разведчики подошли ближе и осмотрели убитых. После чего Заплетин вызвал по радио командира роты:

– База, «один-одиннадцать» на связи. Нахожусь: высота – один полста три восемь ноль. Обнаружил отряд наемников, сотня штыков...

Пока старший лейтенант выходил на связь с базой, остальные побросали отобранное у боевиков оружие рядом с их телами. Туда же подтащили трупы украинского наемника и двух арабов...

* * *

Разведчики отходили в северо-западном направлении. Удалившись от ущелья на три километра, они сделали очередной привал.

Лейтенант Найденов занял под деревом излюбленную позу – подтянув под себя ноги и обхватив колени руками. Пантюхин взялся за нож, который снова начал рассекать воздух над головой Подкидыша. И никто – ни сам командир, ни его заместитель – не делали Пантере замечаний. Пантюхин нервничал, как и все остальные. Нервничал Злодей, бросая на боевых товарищей короткие взгляды. Переживал Филонов-Подкова, Саня Богданкин по кличке Македонский, Серега Евдокимов – Рубильник. Скрывал свои чувства за любимой мелодией Скутер, напевая про себя песню своего тезки. Тихо сидели Ас – Игорь Гринчук, Моряк с безмятежной фамилией Мирный, Антон Колесников – Удав и Дима Родимов по прозвищу Муха.

Чернов-Злодей пересел ближе к Скутеру, что вообще было делом редким – они в колонне-то были в разных концах.

– Скутер...

– Чего? – Горчихин поднял глаза на Злодея.

– Чего-то хотел спросить у тебя... – Коля Чернов снял вязаную шапочку и почесал голову. – Забыл совсем.

– Может, свечу зажигания? – подсказал Подкидыш. – Или гребной винт? Скутер, не давай. А то Злодей займет твоё место впереди отряда.

Сначала зашелся смехом одноглазый Скумбатов, утопив свое лицо в широких ладонях, к нему присоединились Подкова, Муха... Самым последним по положению в колонне засмеялся Злодей. Странно было видеть улыбку на его пугающей физиономии.

– Подкидыш, тебе никто не говорил, что ты дурак? – успокаиваясь, спросил Чернов.

– Будешь тут дураком, когда над головой ножи летают. Пантера, – позвал Найденов приятеля, – потренируйся на нем, – Подкидыш кивнул на долговязого лейтенанта Скумбатова по кличке Один-Ноль. – Только бери правее.

Одноглазый разведчик ухмыльнулся и на шутку Подкидыша не отреагировал. Он посмотрел на часы, потом в небо, прислушался.

– Кажется, летят, – лицо Скумбатова перекосила гримаса. – Готовьтесь принимать поздравления, господа офицеры!

В небе нарастал гул самолетов: «МИГи» торопились нанести ракетно-бомбовый удар по сотне боевиков, обнаруженных разведрасчетом Виктора Заплетина.

Глава 3 НЕХОРОШЕЕ ДЕЛО

6

Москва, 8 ноября, среда

Полковник Эйдинов возглавлял в Управлении военной контрразведки ФСБ профильный оперативный отдел. Профильный – означал узкую направленность в работе, касающейся преступной деятельности военных. Отдел родился приказом директора ФСБ два года назад, его офис находился в старом здании на Большой Дмитровке, неподалеку от Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории. В состав профильного отдела входило пять групп в основном по пять-шесть офицеров-оперативников в каждой и специальные агенты.

– Нужно проверить кое-что, – Владимир Николаевич жестом усадил напротив себя тридцатилетнего начальника 1-й группы майора Петрова, худого, узколицего, одетого в зеленый полувоенный джемпер «Хольстер» и модные тупоносые ботинки. – Вернее, я хочу с тобой посоветоваться, Толя.

Такая манера общения с подчиненными на первый взгляд говорила о некоторой неуверенности Эйдинова: он отдавал распоряжение, но тут же просил высказать, если имеется, иную точку зрения. Однако все обстояло гораздо проще: считаясь неплохим аналитиком, полковник приплюсовывал себе в актив их идеи.

Эйдинов был на девять лет старше Петрова и как две капли воды походил на скрипача Сергея Стадлера. С его полного открытого лица не сходило постоянное выражение незащищенности. И манера поведения, и внешность полковника служили ему отличной маскировкой.

Буквально с первых же дней работы в отделе Эйдинов столкнулся с проблемами, о которых его предупреждал генерал-майор Прохоренко, исполнявший обязанности руководителя Управления военной контрразведки. В первую очередь это касалось едва ли не полного развала в сфере агентурной работы. Чтобы добыть консультанта по тому или иному вопросу, приходилось изрядно побегать по управлениям на Лубянке. Экономические контрразведчики вежливо посылали на три буквы, офицеры из контрразведки на транспорте посылали еще дальше, простые «контры», которые, собственно, и ловят шпионов, прижимали пальцы к губам и шептали: «Сходи к «военным». Ах, так ты оттуда...»

Позже Эйдинов отказался от этой практики и заново создал свою агентурную сеть. Получился коротенький строгий поводок. На нем и держалась работа профильного отдела.

– Не напрямую, но дело касается нас, – сообщил Эйдинов подчиненному, поудобнее устроившись в кресле. – Нужно обмусолить полученный материал и подумать, вернуть его или взять в разработку.

Перехватив вопрошающий взгляд Петрова, полковник пояснил:

– Бумаги мне дали для ознакомления.

Майор принял от начальника тонкую папку и углубился в чтение, слушая короткие комментарии Эйдинова, видимо, внимательно изучившего полученные документы.

Петров пришел в контрразведку из Главного управления по борьбе с организованной преступностью и чувствовал себя на новом поприще так же, как бывший шеф КГБ Серов, в свою время возглавивший 2-е Главное управление Генштаба. Привлечение майора милиции

в органы контрразведки было понятно – Петров считался отличным оперативником и имел множество связей в МВД.

– Доказательств никаких, но надо отдать должное капитану Макееву, – одобрительно покивал полковник, – не побоялся парень обратиться в органы. Причем грамотно. Не побежал к вышестоящему начальству или в особый отдел штаба, а пришел в военную контрразведку.

Когда Петров вернул документы и взял предложенную начальником сигарету, Эйдинов спросил:

– Что мы можем сделать, Толя? Для начала давай разберемся в этой запутанной структуре подчинения и переподчинения.

Петров сказал «минуточку» и ненадолго покинул кабинет, вернувшись с огромной папкой, которую разложил перед собой на столе.

– Структура простая, – ответил майор, уже давно и успешно освоивший все тонкости работы в отделе. – Вот 58-й батальон связи, в котором проходила месячная командировка Макеева в Чечне. Он находится в подчинении 2-го (разведывательного) отдела штаба армии. Курирует этот батальон 5-я группа отдела, там занимаются электронной разведкой и контролируют ее во всех дивизиях, входящих в состав армии.

– Это понятно. Меня интересует другое, собственно отдельная рота охраны. Вряд ли она подчиняется командиру батальона связи.

– Обычная практика. В этом батальоне три роты занимаются радиоперехватом, пеленгом, разведкой, а четвертая рота относится к отдельному батальону и только ширмуется охранными функциями. Потому что напрямую она подчинена 3-й группе 2-го отдела. А там пустяками вроде охраны не занимаются. В задачи такой роты входит, к примеру, глубинная разведка. Вот только зачем в батальоне связи матерые диверсанты? – спросил он шефа.

– А здесь вообще все просто, Толя, – отозвался полковник. – Таким спецам любая задача по плечу. Заметь, пеленгация и радиоперехват – важнейшее звено в армейских структурах. Но все уж больно сложно, запутанно. Давай поговорим об этой отдельной роте. Допустим, два взвода несут чисто охранные функции, а два других специализируются на глубинной разведке – совершают рейды, выявляют базы террористов, сообщают координаты и так далее. Допускаешь такое?

– Вполне.

– Пойдем дальше. 2-й отдел штаба армии подчинен 2-му управлению округа, тот 2-му главку Генштаба. А командует этой ротой на месте дислокации майор Казначеев – не капитан или старший лейтенант, а майор. Он получает приказы от управы, которой подчинены диверсионные и добывающие агентурные сети вплоть до групп войск, которую мы и имеем в Чечне. Понятно, что отдельная рота при батальоне связи – это прикрытие, ширма, как ты правильно заметил. Вот по этому бурелому нам и предстоит прогуляться, выявляя связи командира роты.

– Этот капитан Макеев, как та подруга, которая подкинула проблем.

– Короче, Толя, я предлагаю заняться этой нехорошей историей. Но, – Эйдинов приподнял толстый палец, – в пределах разумного. Если связи командира роты ведут дальше штаба группировки, работу сворачиваем. Потому что дальше – главки Генштаба, ГРУ. Там, в отличие от нашего ведомства, реформ не проводили.

– 2-е управление... – в раздумье Петров покачал головой.

– А что с ним? Нехорошие воспоминания?

– Именно. У нас нет выхода на офицеров этого управления. При всем желании мы не найдем стоящего консультанта.

– Насчет консультанта давай погодим. Повременим и с офицерами штаба. Единственно верный путь – выходить на рядовой состав этой роты и подниматься выше и выше. Выяснить, отдают ли им приказы, не связанные напрямую с их обязанностями, или они действуют самостоятельно.

– Наверняка им приказывает командир роты.

– Разумнее предположить, – вздохнув, сказал Эйдинов, – что приказы приходят свыше, но не минуя майора, а через него. Мне кажется, тут замешаны и политика, и большие деньги.

– Нам мотивы нужны, а вы говорите про рядовой состав, – возразил Петров. – Откуда рядовые знают, что в головах их начальников? Нам нужен надежный и компетентный человек.

– Где бы взять его?

– Помните, я вам рассказывал про Сергея Марковцева?

Эйдинов обладал исключительной памятью.

– Про Марка? Помню. Я даже могу сказать, сколько лет ему дали и в какой колонии он сейчас находится. Это вариант, Толя. Ровно через десять лет Сергей освободится, и мы спросим у него, как выйти на рядовой состав отдельной роты. – Довольный Эйдинов рассмеялся.

– Нет, Марковцев мог бы помочь нам в этом деле, – упрямо продолжал Петров. – Он руководил отрядом специального назначения «Ариадна». Не исключено, что он лично знаком с кем-то из спецов интересующей нас роты. Группа Марковцева, кстати, входила в состав этой же армии. Время не стоит на месте, но методы работы отрядов типа «Ариадны» не изменились.

– Дивизия насчитывает пятнадцать тысяч душ, – усмехнулся Эйдинов, – а ты говоришь – армия!

– И все же, шеф...

– Допустим, Марковцев согласится проконсультировать нас. И что нам это даст? Нам нужен не простой консультант и не союзник, нам нужен агент.

Эйдинов умолк. Его последняя мысль не была лишена практического смысла именно в связи с Сергеем Марковцевым, бывшим подполковником ГРУ. Дело серьезное, и если начальство даст согласие на привлечение к нему Марковцева, как никто другой, Сергей отработает оставшиеся ему десять лет отсидки. За решеткой он бесполезен, его придется вызвolyть, задействовав два-три ведомства. Но это не в новинку, таким проверенным способом пользуются многие секретные службы. Если человек очень нужен да еще оказал значительную пользу, такому могут выхлопотать вид на жительство в одной из европейских стран, дать в дорогу немного денег и чемодан машинописного текста – труд какого-нибудь мудрого узника: повести, романы, «записки сумасшедшего», которые, проштудировав, можно с успехом издать не только в Европе. Обеспеченная старость гарантирована при минимальных на то затратах. А новоиспеченный писатель как был, так и останется агентом разведки.

Полковник откинулся в кресле и быстро прикинул все, что знал о Сергее Марковцеве (кличка Марк), получившем двенадцать лет с отбыванием срока в колонии строгого режима.

При непосредственном участии Марковцева было создано спецподразделение под названием «Группа Щит», долгое время считавшееся федеральной структурой. В его задачи входило оперативное получение информации от государственных ведомств России, силовых структур, подотчетных МВД, внедрение своих агентов в различные структуры и криминальные группировки, физическое устранение лидеров бандитских групп и тому подобные штучки. Марковцев возглавлял в «Щите» группу особого резерва, которая занималась исключительно заказными убийствами и состояла из агентов и бойцов спецслужб.

После крушения этого по сути преступного синдиката Сергей Максимович Марковцев выбрал местом отшельничества мужской Свято-Петров монастырь в Новоградской области и стал его настоятелем. В качестве послушников он прихватил лучших боевиков своего отряда и наладил конвейер по похищению людей с целью выкупа. Вскоре был арестован и осужден.

По рассказам Петрова, который входил в состав следственной группы по делу Марковцева, Сергей часть вины взял на себя, но отверг обвинения в соучастии с неизвестным в России предпринимателем Вахой Бараевым, который тогда входил в состав Совета безопасности России. В итоге и Бараев, и теневой руководитель «Группы Щит» остались на свободе. Остался открытым и вопрос о предназначении «Щита». В газете «Совершенно сек-

ротно» была выдвинута версия, что создание этой организации было пробным шаром к чему-то более серьезному. Эта версия не могла удовлетворить следствие, но стала базовой и сослужила определенную службу силовым структурам.

Как должен чувствовать себя Марк, одиозная и сильная личность, находясь в неволе, говорить не стоило. Усугублялось его положение тем, что в любую минуту его могли убрать либо люди Бараева, либо теневого руководителя «Щита». И если помочь Марку, вызволив его из колонии и обезопасив от «благодетелей», можно рассчитывать на ответную благодарность.

«За такого информированного человека стоит похлопотать «наверху», – подумал Эйдинов, возобновляя разговор с подчиненным.

– Толя, мне понравилась твоя мысль. Но она означает только одно: мы с головой ныряем в это нехорошее дело и привлекаем к работе нехорошего человека.

– По большому счету Марк попал за решетку за издержки своей профессии. Работа в силовом подразделении порой заставляет сделать шаг не в ту сторону.

– Здесь нет одной мерки.

– Согласен, шеф, – кивнул Петров. – Я помню, на суде прокурор задал Марковцеву вопрос, косвенно касающийся его задержания: убил бы он малолетнего заложника, которого практически держал на мушке.

– Ну и что ответил Марк? – поинтересовался Эйдинов.

– Он ответил улыбкой. Лично я понял: нет. Но этот вопрос был снят судьей по протесту адвоката Марковцева.

– Хорошо, время тянуть не будем. Думаю, шеф одобрит кандидатуру Марковцева. Я сегодня же поговорю с Прохоренко. А ты собирай на Марка материал и готовь парламентаря из своей группы.

Глава 4

РОДСТВЕННЫЕ УЗЫ

7

Московская область, колония УР-43/5, 11 ноября, суббота

В личном деле Сергея Максимовича Марковцева, 1959 года рождения, хранившемся в колонии, упоминалась троюродная сестра Елена Владимировна Дмитриева, проживающая в Москве. Паспортные данные, равно как и фото Елены Владимировны, в деле отсутствовали. Заместитель начальника по режиму майор Астраханбеков проверил по бумагам, когда на имя осужденного Марковцева приходила бандероль, посылка, когда было последнее свидание. Последний раз к Сергею приезжал его отец, сурового вида семидесятилетний старик. С тех пор прошло семь месяцев. А не так давно сам Астраханбеков красным карандашом перечеркнул крест-накрест данные на отца Марковцева, сделал соответствующую запись и сообщил осужденному, что Максим Сергеевич скончался.

Марковцев в колонии жил неплохо. С первых дней его определили на самую легкую работу – в котельной. Сергей не принадлежал к сотрудникам органов МВД, и у заключенных не было «претензий» к бывшему подполковнику спецназа. К тому же обвинительное заключение, которое выдают обвиняемому на руки и которое с интересом читала вся камера в Матросской Тишине, было лучшей рекомендацией и послужным списком. Отсюда и непыльная работа, которую заполучил Марк. Ибо авторитеты зоны, равно как и начальник отряда, сразу поняли, что этот сильный человек с тяжелым взглядом не станет подчиняться чужой воле.

Днем в субботу Астраханбеков вызвал Марковцева в штаб колонии и разрешил сесть за соседний стол в своем кабинете, дав заключенному ручку и лист бумаги.

– Напиши заявление на длительное свидание, – майор заглянул в заявление сестры Марковцева, – с гражданкой Дмитриевой Еленой Владимировной.

Сергей и виду не подал, что удивлен. С троюродной сестрой он не виделся лет десять и не рассчитывал лицезреть родственницу по крайней мере еще столько же.

Марк быстро набросал текст, поставил число, расписался и отдал бумагу майору.

– Но я сегодня в ночь работаю, – предупредил он.

Астраханбеков покивал: знаю, мол.

– Предупреди напарника, – майор расписался на пропуске в промзону колонии. – И не задерживайся – сестра ждет. Дневальный уже подготовил комнату.

Последние слова майора, очерстевшего за долгие годы работы в колонии, тем не менее прозвучали мягко. С чего он стал вдруг таким сострадательным, для Марка осталось тайной.

* * *

Эту бледную женщину с заостренным носом Сергей видел впервые. Закрыв за собой дверь, Марковцев вошел в комнату и сел на койку напротив бледнолицей, одетой в теплый вязаный свитер и синие джинсы.

– Ты очень изменилась, сестра, – в комплиментарном стиле посочувствовал он незнакомке. – Раньше ты была толстой и неуклюжей, черноглазой и... – Марк с усмешкой более

внимательно взгляделся в ее правильные черты лица и закончил: – И некрасивой. Вот что делает с нами время... Раньше тебя звали Леной... – Он вопросительно приподнял брови.

– И сейчас я Елена Владимировна Дмитриева, – раздался в комнате глубокий, грудной голос незнакомки.

– Какой красивый тембр! – Марк быстро возвращался в ипостась подполковника ГРУ и лихорадочно соображал, кто и с какой целью разыгрывает перед ним этот костюмированный бал. Попробовал хоть что-то прочесть в лице «сестры», но на нем не было вообще никакого выражения. Бледное и неподвижное, с безжизненными светло-серого цвета глазами. По идее, эта гостья походила на роль осужденной. «К которой никто не приехал», – подумал Марк и рассмеялся.

– Ты по-прежнему куришь или бросила?

Бледнолицая молча выложила на тумбочку сигареты и зажигалку. Наклонившись над сумкой, извлекла палку вареной, нарезанной на куски колбасы, кулек дешевой карамели, пачку индийского чая.

Марк прикурил и глянул в окно. За ним открывался унылый пейзаж: низкие бараки, приземистое здание штаба, выкрашенные в серый цвет скамейки возле входа. Но рядом, только поверни голову, сидит не просто незнакомка, а, судя по всему, какая-то блеклая, призрачная надежда.

– Покушай, – предложила гостья, обращаясь к Сергею на «ты».

Марковцев отказался. Ему вдруг представилось, что он отведал колбаски – и через некоторое время его вынесут из комнаты с синим лицом и вперед ногами. Он не сдал на следствии теневого руководителя «Щита», за это ему, конечно, должны быть благодарны. Но кто знает, во что может вылиться благодарность сильных мира сего?

«С харчами погодим», – решил Марк.

– Ты ешь, – посоветовал он новой знакомой, – а я не хочу. Я наелся. В столовой. На завтрак вкусную перловку с брюквой давали. А насчет чая...

Он прихватил пачку листового «Джамбо», вышел в коридор и окликнул дневального:

– Эй! Завари-ка «купца».

Когда он вернулся на место, с удивлением обнаружил, что бледнолицая гостья приступила к завтраку: отломил кусочек белого батона и откусила колбасы. Странно было видеть, как это привидение ест.

– Ну, – сказал Марк, усаживаясь, – рассказывай, сестра, где трудишься сейчас, кем. Раньше ты на режимном предприятии работала, да?

– И сейчас там же, – отозвалась гостья.

– Название из головы вылетело, – Марка забавлял тон разговора, который он выбрал.

– Ты же знаешь, мне нельзя разглашать секреты.

– Ах да! Я совсем забыл. Кажется, оно находилось на Хорошевском шоссе.

– Нет, ближе к центру. Гораздо ближе. Там еще памятник стоял, помнишь? – она чуть округлила глаза.

– А-а... Мужик с острой бородкой и чистыми руками. Помню-помню, – покивал Сергей. – И что же хочет от меня Лубянка?

Марк попал за тюремную решетку в ноябре девяносто восьмого, когда внутри и вокруг ФСБ разгорелся «дикий» скандал. Несколько офицеров службы безопасности обвинили свое руководство в планировании заказных убийств. «Тоже мне – откровения», – хмыкнул Марк, услышав эту новость. Заказные убийства – это часть работы секретных служб, о чем не принято говорить вслух.

Еще пару лет назад подобный скандал казался невозможным, но все к тому и шло: бесконечные реорганизации (начиная с 1991 года таких реорганизаций произошло пять) в ФСБ,

которая лишилась своих основных качеств и приобрела взамен некую клубную элитарность, привели к утрате профессионализма многих ее сотрудников.

Марк повторил вопрос:

– Так что же хочет от меня Лубянка? Только учтите, сестра моя: «В сторевший храм на исповедь не зовут».

– Пока консультаций.

– Почем нынче штука? Готовы отвалить на полную катушку – с десятков лет?

Так же странно было видеть и улыбку на лице гостыи, и идеальные зубы, блеснувшие в приоткрытых губах.

Она вытерла руки о платок и прикурила сигарету.

– На первых порах мы гарантируем пособие в одной европейской стране.

– Заграница? – Марк кивнул на окно. – Для меня заграница начинается за забором. Поговорим серьезно, – предложил он, принимая деловой тон, – в пределах твоих полномочий. Может статься, что куску колбасы я предпочту лишние пару лет в штрафном изоляторе.

– Конечно, у тебя есть выбор. Я должна сказать следующее. Как только ты дашь согласие, станешь подневольным человеком. Откажешься – останешься подневольным в неволе. Все просто. Я не обрабатываю тебя, я делаю предложение. За мной стоит система, и она в случае чего уничтожит тебя быстрее, чем твоя бывшая организация.

Марк усмехнулся: она сказала, что не обрабатывает его, но сделала именно это, причем в очень короткой форме и весьма убедительно.

– Как вы собираетесь вытащить меня отсюда?

– Все зависит от тебя. Да или нет?

Марковцев поиграл желваками и, не отвечая на вопрос, жестко сказал:

– Хочу, чтобы вы у себя на Лубянке знали: если мне что-то не понравится коренным образом, я разворачиваю лыжи.

– Значит, да?

Марк промолчал. Здесь, в колонии, он не мог не думать о побеге. Даже разработал десяток вариантов, беря за основу знаменитые, ставшие классикой побег, ежедневно мысленно корректировал их. Он и в одиночку сумеет уйти так, что за ним не будет погони, его вообще не станут искать. Но что делать там, «за границей»? Есть человек, который скорее всего благодарен ему, но и Сергей должен отвесить ему низкий поклон за то, что еще жив. Остались неплохие связи в МВД, ГРУ, но кто станет связываться с бежавшим из мест заключения преступником, кто захочет помочь на первых порах? Хотя бы документами. Денег достать – не проблема, есть сотни способов, нужно только желание и чуточку таланта.

Вся жизнь Сергея Марковцева прошла словно под напряжением. Судьба не раз круто меняла ее курс, бросая Марка от руководства отрядом «Ариадна» до группы особого резерва и дальше, к стенам монастырской обители, где отец Сергей поставил на поток похищение людей. Почему же злодейке еще раз не повторить знакомый уже трюк и не бросить его в очередную крайность?

На худой конец можно снова стать «хорошим». Нет – положительным. Говорят же: «Герои не умирают. Герои возвращаются». Оказаться нужным самому себе – именно этого не хватало Сергею – и вспомнить о неоплаченных счетах. Это «нео» сидело в нем крепко, как в крестьянине: «Не окучишь, урожай не получишь».

Глаза Марка сузились, когда он представил себе приземистую фигуру Вахи Бараева. На все сто процентов из-за этого кривоногого чеченца топчет зону подполковник спецназа Сергей Марковцев. Из-за Вахи на могильном холмике отца не хватает три полных горечи и слез пригоршни земли.

А бледнолицая словно читала его мысли. И «домашняя заготовка», прозвучавшая из ее уст, стала не чем иным как дополнительным стимулом для быстрого созревания клиента.

– Одно время Ваха Бараев занимал прежнюю должность и содействовал освобождению пленных. Сейчас он возглавляет чеченскую диаспору в Москве.

Как Ваха освобождает заложников, Сергей знал лучше самого Вахи: приезжает и забирает. Ибо всему «тяжкому труду» Бараева предшествовали похищения под его же контролем или же с его согласия.

– Это как-то связано с вашим предложением? – спросил Сергей.

– Думаю, напрямую, – с небольшой задержкой солгала гостья. – Но косвенно – на все сто процентов.

– Какое управление вы представляете?

– Военную контрразведку.

– Я должен подумать. Сколько у меня времени?

– Максимум неделя. У нас есть конкретный план, полуофициальный. Через надежных людей в Управлении по исполнению наказаний приказом тебя переведут в другую колонию. Естественно, до нее ты не доедешь. Но я бы хотела выслушать и тебя. Вряд ли время в зоне прошло для тебя даром. Все заключенные думают об этом, а ты должен был автоматически набросать в голове не один план побега. Ну? – бледнолицая вопрошающе приподняла острый подбородок.

– Что «ну»? – Сергей удивился ее наивности. Даже при крайних обстоятельствах он не раскроет ей и части одного плана. Его хотят крепко-накрепко прикрутить за счет их же единичного участия в освобождении и проконтролировать на предмет его самостоятельных действий – все просто донельзя. Ну нельзя же использовать такой ломовой способ, как прямой вопрос в лоб! Тут надо действовать с хитрецей. В связи с этим взгляд Марка надолго задержался на тонкой фигуре связной.

– У тебя есть план побега? – снова спросила она, словно стяхивая с себя его пронизательный взгляд.

– Откуда! – оба играли не без доли отвращения. Во всяком случае – Сергей. – У меня времени нет думать, я работаю по двенадцать часов в сутки.

Теперь самое время определиться насчет ломового метода связной: насколько далеко распространяются ее полномочия. Тут была обоюдная выгода для обеих сторон.

– Я написал заявление до утра. Ты останешься на ночь?

– Почему бы и нет? – она пожала плечами.

От накатившей вдруг слабости в низу живота Маковцев едва ли не скрипнул зубами. Про себя подумал: «Если что, я ее изнасилую».

Бледнолицая очень просто могла сократить время его вербовки: обнажила бы грудь и спросила: «Ты согласен работать?» Вместо короткого «да!» он бы воскликнул: «О, да!»

Взбудораженный открывающимися перед ним перспективами, взволнованный одним лишь присутствием в этой комнате женщины, возбужденный ее призывным ответом, лежащим в середине или сердцевине ее полномочий («Почему бы и нет?»), Сергей опустил легкий запор на двери. Обернувшись на бледнолицую, заключенный высказал часть своих мыслей:

– Подамся в расстриги. И вообще пора линять отсюда. Уходить лучше на день раньше, чем на десять лет позже.

Коломна, 12 ноября, воскресенье

Дом, в котором проживал капитан Макеев, стоял в военном городке. Давно ставшее ненужным ограждение с двух сторон было убрано, остальная часть бетонных плит покосилась,

складывалось впечатление, что их удерживала лишь колючая проволока да электропроводка, протянувшаяся от ненужных теперь изоляторов.

Запевала поднырнул под проволоку и направился к пятиэтажке, выкрашенной в несуразный темно-синий цвет. Половина второго ночи. За исключением нескольких квартир, из окон которых струился свет, городок погружен во мрак. Так же темно было в квартире Макеева, окна которой находились справа от парадного на третьем этаже.

Заплетин поднялся по лестнице и замер у двери. Нажать кнопку звонка – дело простое, но старший лейтенант некоторое время стоял в нерешительности. Подстегнул его раздавшийся шум из квартиры на четвертом или пятом этаже. Виктор вдавил белую клавишу и на секунду прикрыл глаза.

На звонок долго никто не отвечал, наконец заспанный мужской голос спросил:

– Кто там?

– Из штаба. – Приготовившись, Заплетин чуть приподнял руки. Как только вслед за донесшимся из квартиры ворчанием открылась дверь, старший лейтенант ухватил Макеева за горло и мгновенно оказался в прихожей.

– Ты один? – тихо спросил он. – Если да, то прикрой глаза.

Макеев поспешно выполнил просьбу.

Ослабив хватку, разведчик покачал головой:

– Капитан, капитан... Ну зачем ты влез не в свое дело?

– Отпусти, – прохрипел Макеев, глаза которого закатились и показывали белок.

– Только не шуми, капитан.

Не зажигая свет, Запевала провел связиста на кухню и задернул занавески на окнах. Затем щелкнул клавишей на воздухоочистителе над плитой, и помещение тускло осветилось бледно-желтыми красками.

На столе стояла початая бутылка водки, нехитрая закуска, рюмка. Вечером капитан пил один. Разговор предстоял долгий и трудный, и Заплетин достал из шкафа рюмку для себя.

– Не возражаешь? – разведчик наполнил стопку и опрокинул ее в рот. Еще раз оглядел хозяина – в трусах и майке, жалкого, напуганного. Не таким он был, когда под дождем проводил разведгруппу глазами, привлекая к себе внимание.

Расчет Заплетина вернулся из рейда только через три дня, когда «Пчелу» под усиленным конвоем переправили в Моздок. Вместе со станцией упорхнул и Макеев.

Майор Казначеев поднял все справки, которые заполнял капитан. На последнюю Заплетин обратил внимание командира: пленг был неточен. Заведомо неточен. Потому что в этом квадрате разведгруппа не появлялась, а высота была названа Запевалой от фонаря. Макеев боялся и подыгрывал, но узнал он слишком много. Теперь связист должен, обязан ответить на несколько вопросов, большинство которых касались нового оборудования «Пчелы»: не остались ли данные пленга и радиоперехвата на переносном компьютере Петровского, что знает сам конструктор и его ассистентка, вообще, говорил ли Макеев кому-нибудь о своих подозрениях.

В кармане черной куртки-«аляски» Заплетина лежал пистолет, только вряд ли он понадобится. Разведчик не отличался внушительными габаритами, но легко мог сломать капитану шею. Легко – это физическая сторона дела, но моральная или душевная волновали старшего лейтенанта больше. Он привык исполнять приказы, выполнит и этот, но грязь, накопившаяся в душе за последнее время, пополнится очередной порцией.

– И давно ты догадался, капитан? – спросил Заплетин.

Морщась, Макеев наполнил свою рюмку и выпил.

– Давно. С первых дней.

– Красиво, – ухмыльнулся Запевала. – И об этом ты хотел поговорить со мной – там, у «Пчелы»? Я хорошо помню тот вечер.

Теперь настала очередь Макеева усмехнуться.

– Я не говорить с тобой хотел, а в глаза тебе заглянуть. – Жалкий вид капитана оказался лишь следствием испуга, сейчас в глазах связиста было презрение. – Знаешь, кто ты, старлей? Ты шлюха. Самая последняя шлюха. Раньше я сомневался – разведдела, секреты, ГРУ. А сейчас ты сам подтвердил, что дело не в них. Своим приходом. И я спрашиваю тебя, старлей: приятно, когда тебя имеют бандиты?

Заплетин покачал головой и опустил глаза.

А Макеев переиграл его, в очередной раз потянувшись к бутылке с водкой. Он и взял ее, но только швырнул в окно.

Звон разбитого стекла разнесся по всему панельному дому. Тут же в подъезде, будто ожидая сигнала, хлопнула дверь, раздался чей-то мужской голос. Только Макеев не успел закричать. Разведчик выдернул из-под себя табурет, и деревянная ножка ударила капитана в висок. Это был смертельный удар, ножка стула на ширину ладони вошла хозяину в голову.

Заплетин ударом ноги распахнул раму и, не мешкая ни секунды, прыгнул вниз. Он летел семь метров и приземлился, автоматически согнув ноги в коленях и держа их вместе. Перекатившись через себя, скорее по привычке он покинул военный городок не тем путем, которым появился в нем.

Свою работу Запевала сделал едва ли на четверть. Осталось невыясненным большинство вопросов. И главный – поделился ли капитан своими подозрениями со спецслужбами.

Теперь, наверное, придется задержаться в Коломне, чтобы обратиться с чисто специфическими вопросами к Петровскому или его ассистентке. Выпускник военного училища связи, Виктор Заплетин мог справиться с этой работой. Впрочем, что он будет делать, ему скажут.

Дома Виктора встретили обеспокоенные глаза жены. Время три часа ночи, а она не спала. Он поцеловал ее в щеку, нежно убрал каштановую прядку, упавшую на лоб, и только сейчас заметил у себя кровь на руке – при падении несильно порезался о разбитое стекло.

– Витя, я боюсь за тебя. – Поверх халата на Жене была наброшена кофточка, на ногах длинные шерстяные носки. – Куда ты ходил? Это как-то связано с деньгами?

За полные десять месяцев, что Заплетин провел в Чечне, это был его третий краткосрочный отпуск. Он незаметно появлялся и так же тихо исчезал. Ничего похожего на пышные встречи и проводы других военных. Он разведчик, и этим все сказано. И дважды он привозил крупную сумму в долларах.

Первый раз серьезно и обстоятельно поговорить с ним на эту щекотливую тему не удалось, на все вопросы жены Виктор отшучивался: премиальные. А вот сегодня заявил: «Взяли боевика с крупной суммой денег. – Выразительно помолчав, добавил: – Многие так делают».

«Мог бы сказать об этом и в первый свой отпуск». Такая мысль сразу мелькнула у Жени. Ужаснулась она потом, когда до нее дошел смысл сказанных мужем слов. Его слегка запоздалые откровения Женя поняла по-своему – им нечего скрывать друг от друга; а вот сейчас она бы упала в обморок, если бы узнала, что часом раньше ее муж убил человека – чеченские бандиты не в счет, убил своего же, российского офицера.

– Все хорошо, родная, – Виктор еще раз коснулся губами ее щеки с симпатичной ямочкой. – Все будет хорошо.

Глава 5 НА СВОБОДУ – С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

9

Колония УР-43/5, 13 ноября, понедельник

«Все, пора», – решил Сергей и покосился на напарника Сеню Филимонова, которого сносил уже с превеликим трудом. Марковцев разработал красивый план побега. Первая его часть должна была осуществиться именно сегодня. Через несколько часов от цеха в промзоне отправится машина, вывозящая из колонии готовую продукцию: рукавицы и хлопчатобумажные перчатки. Следующий рейс будет только через три дня. А засиживаться за колючей проволокой у Марковцева желания не было. Он чувствовал, что еще немного – и он не сможет управлять собой, нетерпение испортит все дело. А тут важен был тонкий расчет и, главное, выдержка. Любая мелочь могла вылиться в роковую ошибку.

С трудом отодвинув шкаф в дальнем углу, Сергей снял с пола тяжелый металлический лист, которыми была покрыта вся площадь котельной. Ведрами он начал доставать грунт из ямы, которую рыл под полом, и разбрасывал его вокруг здания. Ночь. Никто не мешает. Второй смены в колонии нет, на всех заключенных не хватает работы.

Вчера с Марковцевым произошел несчастный случай: вспыхнула вдруг роба, когда он стоял у печи. Рукав куртки оказался пропитан соляжкой, потому и загорелся. Причем именно в тот момент, когда на промзону входили заключенные и пара ментов. Сергей выскочил из котельной, срывая на ходу одежду.

– Марковцев, когда-нибудь ты сгоришь, – выказал себя ясновидцем начальник второго отряда.

Майор подошел ближе и принял участие в тушении рабочей куртки – пару раз топнул сапогом по дымящейся материи. После чего, оглядев перепуганное лицо заключенного и его слегка обожженную руку, отправил Сергея в санчасть.

То было вчера. А сегодня напарник по просьбе Марковцева принес лопату и смотрел, как Сергей наполняет ведра землей. Потом хмыкнул и задал вопрос: «Зачем?» Получил откровенный ответ: «Подкоп делаю. Хочу сдернуть отсюда». Ответ, конечно, для дурака: до забора сто метров, за десять лет не выкопаешь. Но Сене стало интересно, что задумал бывший подполковник.

Неделю назад Филимонов вышел из штрафного изолятора, где отбыл пятнадцать суток. Попал за простенькую вроде бы шутку, но начальство шутки переносит с трудом. Филимонов сел по тяжелой статье – за убийство, как гласит Уголовный кодекс, «женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности». Но когда на койках в бараке меняли таблички с фамилией осужденного, началом и концом срока заключения, вместо своей «кровной» статьи Филимонов указал пятисотую, несуществующую, и прибавил к ней «прим». Новую статью он окрестил людоедством, а примечаниями – отягчающие обстоятельства, когда людоед съел людоеда. Крыша у зэка, нанесшего своей жене и не родившемуся ребенку сорок три ножевых удара, перекосилась, похоже, напрочь.

Сергей спустился в яму, которая доходила ему до колен, аккуратно расстелил на дне припасенное байковое одеяло и протянул напарнику руку:

– Помоги выбраться.

В следующий миг Марк сдернул услужливо подавшегося вперед Филимонова вниз, заводя его руку за спину и прижимая его к себе. Другой рукой он зажал ему рот и нос и довольно легко удерживал до тех пор, пока тело напарника не обмякло. Что-то подобное уже случилось в жизни Сергея, когда в туалете аэропорта он ломал горловые хрящи руководителю пресс-центра ГУВД Новоградской области майору Маханову. Как и сейчас, то была вынужденная мера.

Отпустив тело Филимонова, Сергей вытер руки о его куртку и осмотрел ладонь. Попытка «людоеда» укусить нападавшего оказалась удачной, сейчас на ладони Марковцева виднелся темно-вишневый кровоподтек в виде полумесяца.

Прежде чем скрыть труп под железным листом, Сергей открыл покойнику рот, зафиксировав его при помощи спичечного коробка, снял с него куртку с биркой – «ФИЛИМОНОВ В.А. 2-й отряд» и вытащил все из карманов.

Бирка у «людоеда», как и у самого Марка, оказалась из нержавеющей стали, что должно было сыграть свою роль в разработанном плане побега.

Когда Марковцев водрузил шкаф на место и подмел пол, ничто не говорило о жутком тайнике.

Во вторник, 14 ноября, машина за продукцией, как всегда, пришла рано, еще до утренней проверки началась ее загрузка. Сергей подождал, когда грузчики уйдут за очередными тюками, и подложил под один из них куртку своего напарника. Расписание он выучил наизусть. Кроме водителя, в кабине «ЗИЛа» поедут двое расконвоированных и выгрузят на складе готовой продукции тюки с рукавицами и перчатками. За просто так на зоне не дают относительную свободу, каждый из расконвоированных активно стучал начальству.

Колония нетерпеливо ждала, когда «разбудят» Филимонова. Все семь отрядов стояли на плацу перед штабом. Работающие в промзоне уже были отмечены, отметили и дневальных. Согласно списку отрядных в строю не хватало одного человека. Обычно кто-нибудь из заключенных засыпал, найдя теплое местечко, и опаздывал на проверку. Соню, когда его обнаруживали, специально пускали вдоль строя, и на него сыпались тумачи.

Сергей стоял в середине длинной колонны и изредка посматривал на начальника отряда. Тот уже подходил с вопросом, где его напарник. Марковцев пожал плечами: «Из промки я выходил один».

Через два часа – заключенных, мерзших на холодном ветру так и не распустили – Сергея вызвали в штаб.

Марковцева допрашивал лично зам по режиму.

– Где Филимонов? – нервничал Астраханбеков.

– Не знаю. Он раньше меня ушел. Смену я один сдавал.

– Куда ушел? Зачем? Что говорил? – сыпались на него вопросы.

Марк не стал пожимать плечами. Это могло не понравиться начальству, разом бы угодил в шизо минимум на десять суток.

Сергей хорошо подготовился к разговору, его сухие ответы были более чем обстоятельными. На лице догадка, легкая досада, что приходится что-то говорить, так или иначе сдавая товарища, решившегося «дернуть на волю». Главное, убедить, что ты не причастен к побегу, ничего не знал о приготовлениях напарника.

– Что было у Филимонова из вольной одежды? – Астраханбеков сверлил заключенного пронзительным взглядом.

– Видел я у него вязаный джемпер, трико...

Сегодня же, справедливо подумал Марк, в отрядах начнется шмон. Будут изымать все – от лишней пачки чая до исподнего гражданского. До сей поры начальство колонии попустительски смотрело на то, что большинство заключенных носят под робами свитера, под брюки поддевают теплые трико, – отчасти оттого, что из этой колонии еще никто не убежал.

– Закройте его, – распорядился Астраханбеков.

В отстойнике штрафного изолятора Марк просидел до позднего вечера. Каждые полчаса его выдергивали на допрос. И каждый раз, возвращаясь в сырую камеру с длинными нарами у стены, Сергей облегченно вздыхал: если бы ему дали «сутки», определили бы в общую камеру.

Окончательный вздох облегчения вырвался у него, когда он вечером переступил порог котельной, заступив на очередное дежурство. На губах Марковцева проступила ироничная улыбка, едва он вспомнил предостережение отрядного: «Смотри не сгни!»

Четверть задуманного была выполнена. И эта четверть сейчас играла на руку Марку: Филимонова объявили в розыск, каждый постовой имеет на особо опасного преступника, осужденного за убийство, точную ориентировку. А в штабе до сих пор гадают, почему собаки не среагировали на запах человека в кузове «ЗИЛа»? Ведь каждую машину, покидающую зону, тщательно обследуют специально обученные овчарки. Они без привязи бегают по хорошо простреливаемому периметру предзона, злобно скалятся на заключенных возле КПП и штаба.

Мазута в котельной – хоть отбавляй. Марк открыл пару емкостей и отворил печную дверку. Жар буквально попер изнутри. Сегодня Сергей работал один, но, противореча простой логике, ему активно помогал Филимонов. С открытым ртом, словно ему не хватало воздуха, покойник лежал у самой печи, переодетый в робу Марковцева и смиренно ждал, когда языки пламени коснутся его и произойдет удивительное превращение.

Они были примерно одного роста и телосложения. Только Филимонов чуть уже в плечах, оттопыренные уши и крупные губы делали его лицо отталкивающим. Сергей без привычной бороды и длинных волос, которые в бытность отцом Сергием он завязывал на затылке, походил на певца Николая Носкова. Лицо открытое, но взгляд из-под нахмуренных бровей мрачноватый и таинственный.

Подтащив бочку с мазутом еще ближе, Марковцев соединил ее с топкой черенком от метлы. Огонь тут же коснулся дерева и медленно пополз к бочке.

Теперь времени терять было нельзя. Сергей закрыл за собой дверь и устремился к подстанции, где легче всего было покинуть промзону колонии. Он перемахнул через забор, оглянулся на котельную. Ее сейчас скрывало здание кирпичного завода. Окна «кирюхи» черные, непроницаемые. Но это ненадолго. Еще минута, и они озарятся в блеске пламени. Дальше – ухающий вой сирены, топот солдатских сапог. К тревоге внутри зоны присоединятся нарастающие звуки сирены пожарных машин. Заключенных блокируют по баракам и рабочим местам, на помощь личному составу прибудет местный ОМОН. Тут же на местах будет произведена проверка по спискам, потом другая, третья. Никто не откликнется на фамилию Марковцев. Почему – станет ясно, когда брандмейстеры обнаружат в котельной труп с оскаленными зубами и выгоревшим ртом. А в румяной корке обгоревшего в нестерпимом огне тела заметят кусочек металла – черный и горячий микропамятник с надписью: «МАРКОВЦЕВ С.М. 2-й отряд».

Пока всего этого не произошло, и Сергей неслышно двигался вдоль локальной зоны третьего отряда. Едва он достиг туалета, как позади раздался глухой взрыв и пространство вокруг окрасилось в ярко-оранжевый цвет. Марк откинул деревянный щит выгребной ямы и скользнул вниз. На вонь он старался не обращать внимания, здесь ему предстояло пробыть около двух суток.

Опасаясь скатиться по наклонной, Сергей осторожно спустился к замерзшим фекальным сталагмитам, под которыми, скрытая мерзлой коркой, теплилась зловонная трясина, и выбрал горизонтальное углубление в грунте на высоте человеческого роста. То, что надо. Человека здесь трудно заметить по двум причинам: темно, и скрывает оставшаяся после строительства широкая доска опалубки.

Марковцев вытянулся в этом подобии ложа и подтянул под себя ноги – стало и удобнее, и теплее. Туалет был единственным местом, где беглец мог укрыться, другого Сергей не знал.

Теперь оставалось окончательно покинуть зону. Если план удастся, Марк сможет вздохнуть окончательно: он на свободе, и его никто не ищет.

Все покидавшие зону машины подвергались тщательному досмотру – кроме мусороуборочных. В этом вроде бы недосмотре крылась грамотно налаженная работа режимного отдела. Дело в том, что теоретически в баках, которые опрокидываются при помощи подъемника в контейнер машины, просто укрыться и покинуть таким незамысловатым образом колонию. Собаки сбиваются, обнюхивая мусор, и тут их помощь бесполезна. Но практически побег был невозможен.

Мусор вывозили в строго определенные дни – по четвергам, во время утренней проверки, когда заключенные, за исключением работающих, которые в свою очередь также подвергались проверке на промзоне, стояли на плацу. Если все оказывались на месте (а так было всегда), водителю давали команду, и он опорожнял контейнеры в машину. В кабину садился мент, солдат вставал на заднюю подножку, и «КамАЗ» покидал территорию зоны. Точно было известно, что он никого не может вывезти – все ээки на месте. Затем от каждого отряда отряжали по одному пинчу, выполнявшему самую грязную работу, и те подбирали остатки мусора.

Сегодня был вторник. Стало быть, послезавтра Марк вполне мог оказаться на свободе. «Дураки умирают по пятницам»? Теперь можно снимать вторую серию этого фильма под названием «Умные бегут по четвергам».

10

Москва, 15 ноября, среда

В кабинет Эйдинова без предварительного стука вошел Петров. По взволнованному лицу начальника 1-й группы полковник понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Начальник отдела глазами поторопил майора.

– ЧП в колонии под Климовом, – сообщил Петров.

– ЧП? – удивился Эйдинов. После переговоров с Марковцевым через сеть «подставных» отделов МВД колония УР-43/5 подверглась особому информативному контролю. Когда стало известно о побеге Филимонова, эту информацию перепроверили: не Марковцев ли? Режимный отдел учреждения ответил, что Марковцев на месте, топит котлы. Так что ЧП уже было.

– Марк сгорел, – выпалил Петров и с досадой махнул рукой.

– Как это... сгорел? – запнулся полковник.

– Вспыхнул мазут в котельной, а Сергей не успел выбраться.

– О, че-ерт... – Эйдинов механически взялся за телефон прямой связи с Управлением. –

А точно установили, что труп принадлежит Марковцеву?

– Прежде чем идти к вам, я дважды перепроверял по телефону. Что будем делать, шеф? Я думаю, нас упредили. Кто-то узнал о наших переговорах с Марком.

Эйдинов выругался и положил трубку на место.

– Давай сюда Скворцову, – потребовал он.

Петров замотал головой:

– Шеф, это исключено. Если хотите, я отвечаю за нее.

– Я сказал: Скворцову ко мне!

Через минуту в кабинет Эйдинова вошла Катя Скворцова – как всегда, бледная, с минимумом макияжа на лице, в неизменных джинсах и легкой вязаной кофте небесно-голубого цвета. Она работала в группе Петрова и стала вторым после своего непосредственного начальника человеком в отделе, который узнал о чрезвычайном происшествии в колонии строгого режима.

– Садись, красавица, – Эйдинов кивнул на стул, – и расскажи, что ты могла сказать Марковцеву такого, что он сгорел заживо?

Скворцова приглашения не приняла и встала позади стула, касаясь руками спинки.

– В рапорте я изложила наш разговор дословно.

– Вместе вы провели сутки, и ты не могла запомнить все слово в слово, – возразил полковник.

– Я легко запоминаю две страницы незнакомого текста.

– Ну ты же не книги с ним читала, прости господи! Ведь ты связная.

– Я – ваш агент по спецпоручениям. А вы посылали меня к Марковцеву не для той связи, на которую намекаете. Свою работу я сделала. Если у вас есть замечания – пожалуйста.

– Нас действительно упредили, ты прав, – остывая, полковник покивал головой Петрову, шею которого обвивало однотонное коричневое кашне. – А это значит, что кому-то известно о деле, которое мы ведем. Это провал, товарищи контрразведчики, понимаете? Провал. Когда убили капитана Макеева, по всем признакам выходило, что убрали свидетеля, и только, но не знают, к кому он обратился и обращался ли вообще. А теперь?..

Эйдинов поочередно посмотрел на подчиненных и стал загибать пальцы.

– Теперь логично предположить, что Макеев перед смертью сообщил убийце, с кем именно он поделился своими подозрениями. А отсюда следует, что наш отдел под «колпаком» мощной организации. И еще раз о Макееве и нашей нерасторопности. Мы не только не дали ему охрану, мы даже не посоветовали ему быть осторожным.

– Шеф, припомните слова капитана, он сказал, что вне подозрений у разведчиков. А предупредить его должен был «лубяной» офицер, который принимал от него заявление. Мы приняли дело и Макеева такими, какими они были – ни больше ни меньше, – отмазался Петров и за себя, и за весь отдел.

– Ну да, с одним дополнением: раньше Макеев был жив. А сегодня второе дополнение: Марк. И тоже мертвый.

– Смерть Марковцева могла быть случайной, этого нельзя сбрасывать со счетов.

– Один шанс из тысячи, – отмахнулся Эйдинов, поглядывая на часы. Прохоренко сейчас на месте, хочешь не хочешь, придется докладывать. – Документы о переводе Марковцева в другую колонию готовы? – спросил он.

– Завтра должен получить, – отозвался Петров.

– Сожги их. – Полковник недовольно покосился на прыснувшего в кулак майора и взялся за телефонную трубку. – Алло? Эйдинов. Поднимите рапорт Скворцовой за... – он вопрошающе приподнял подбородок.

– За тринадцатое ноября, – подсказала Катя.

– Это срочно, – добавил Эйдинов и положил трубку.

По привычке полковник перевернул несколько страниц перекидного календаря, словно возвращался в тот понедельник, когда Скворцова принесла ему рапорт. Календарь был оснащен астрологическими прогнозами. Наверху страницы значилось: «Луна в Скорпионе. Символ – рог изобилия. День накопления и усвоения информации».

Эйдинов крякнул и глянул на Скворцову.

– Екатерина Андреевна, ты высокая девица, да еще стоишь. Сядь, сядь. Сейчас принесут твой рапорт, хочу еще раз взглянуть на него. Ты не обижайся, но меня нервирует твой голос. Не всегда, а конкретно сегодня, – дополнил полковник.

Скворцова села и стала покручивать перстень на пальце, демонстративно отвернувшись от начальника. «Не обращай внимания», – шепнул ей Петров.

Нацепив очки, которые без труда удерживались на его полных щеках, Эйдинов углубился в чтение, понимая, что тратит попусту время: ничего он не найдет в рапорте, написанном уверенным мелким почерком. Он думал, пробегая глазами строчку за строчкой, какие послед-

ствия ждут отдел и что можно предпринять, чтобы ослабить удар, который нанесла чья-то сильная рука.

– Поясни, – не отрываясь от бумаги, потребовал начальник, – что означают слова Марка: «Уходите лучше на день раньше, чем на десять лет позже?»

Девушка пожала плечами.

– Думаю, его слова относятся к нашему предложению, – ответил за подчиненную Петров.

– Н-да?.. Не совсем убедительно. Марковцев – товар штучный и меченый. В каждом его слове я готов искать подтекст... Толя, а вот ты как раз не расслаживайся, – полковник поднял глаза на майора. – Езжай на пожарище, опроси своих бывших коллег: что, как и почему. Дело поганое. Меня не покидает ощущение, что кто-то издевается над нами. В колонии сорок три дробь пять, пока мы ею не заинтересовались, все шло гладко. Но стоило нам тронуть это дерьмо, как случились два кряду чрезвычайных происшествия.

Эйдинов снял очки, отложил многостраничный рапорт и встал.

– Ладно, пора к шефу «на ковер». Катя, ты пользуешься косметикой?

– Я могу не отвечать на этот вопрос?

– Да не отвечай! Только принеси мне увлажняющий крем, – извинился за резкий тон с подчиненной полковник Эйдинов.

11

Климов, колония УР 43/5, 16 ноября, четверг

Сергей выбрался из своего вонючего убежища в четвертом часу утра, когда на календаре был четверг. Он замерз, отчаянно замерз. Зато был в курсе всех дел, что творились на зоне. Заключение, мявшие у него над головой бумагу, говорили о его смерти.

Во время лежбища в яме о сне говорить не приходилось. Марковцев, правда, ненадолго, но довольно часто впадал в дрему. На воле он храпел, но сейчас его организм контролировал даже дыхание. К тому же и сам он кое-что предпринял – прикусывал спичечный коробок, чтобы дышать не только через нос, но подвергал себя при этом простуде, которая неумолимо подкрадывалась к терявшему силы организму.

Обычно после плановых обысков не положенные в местах заключения вещи собирались в мешки и по негласно установленным правилам передавались обиженным. В этот раз все было по-другому, поскольку обыску предшествовал побег заключенного. Все вещи, включая теплую одежду, пачки чая, продукты питания и прочее, были порезаны, приведены в негодность и свалены в контейнеры. Первые несколько часов шныри, озираясь, рылись в сору и забрали все самое ценное. Теперь можно было не опасаться, что кто-то сунется к мусорным бакам.

Сергей проводил глазами овчарок, промчавшихся по предзоннику, и немеющими от холода руками закрыл тяжелый щит выгребной ямы. Теперь – к площадке с мусором. Среди пяти контейнеров он выбрал второй справа, вторым его и загрузят.

До самого дна Сергей не полез. Он зарылся в мусоре и потихоньку начал отогреваться. Вначале он ощутил легкое прикосновение тепла, затем бурное, когда ноги в этой перине из мусора стало пощипывать, щеки загло огнем, а в груди, увы, раздались первые хрипы.

«Вовремя я простыл». Сергей кутался в мусор и молил бога только об одном: не провалиться бы в сон, болезненный сон, который проглотит все звуки наступающего утра. Не дай бог он вовремя не очнется, тогда не сможет сгруппироваться и бесформенным кулем или того хуже – со стоном или криком упадет в черноту мусорной машины.

До свободы оставалось несколько часов. Не суток или дней, а часов.

Когда тело согрелось и мышцы приобрели относительную упругость, Марковцев втиснул ноги в мешок. Другой такой же, наполовину опорожненный, надел себе на голову и принял окончательную позу. Судя по всему, через час с небольшим начнется построение, и после проверки строго по расписанию на бетонированную площадку перед отхожим местом въедет «КамАЗ». Охрана минимальная, обычно это прапорщик и солдат внутренних войск. Если и будет досмотр, то чисто визуальный, поскольку эвээшники уже получают команду, что вся колония на месте.

И этот час настал.

По длительности он ничуть не уступал напряженным дням, начиная с той минуты, когда вместо сестры Сергей обнаружил в комнате свиданий незнакомку. Тогда его словно прорвало, он горячо шептал ей на ухо всякую глупость: «Ничего, что я с собственной сестрой?.. Два года – это чересчур...» Марковцев понимал, что перед ним автомат. Он бросит в щель монетку – и получит удовольствие. Она шмыгнет носом – и получит благодарность от сутенера-начальника.

Но ничего подобного. Бледнолицая пуританка только послушала сопенье Марка, дала память себя и сообщила, что через секунду закричит. Вот в тот момент Сергей и поверил, что подруга не из ГРУ, даже вкралось сомнение, принадлежит ли она с таким поведением к любой более-менее секретной организации? Неужели в пятый раз реформированная ФСБ строго-настрога запретила подобные методы вербовки? Если это так, думал Марковцев, без дела ворочаясь в полутора метрах от горячего женского тела, последняя реформа может стать поворотной в судьбе нашей державы и затмит по значимости пятую поправку в лагерях республиканцев и демократов.

Ворчливо приветствуя Марка, рядом с площадкой остановился «КамАЗ». Раздалось монотонное подвывание гидравлики, первый контейнер успешно опорожнился в чрево машины. Объем следующего вышло таким же сухим, но звук мотора показался Сергею мурлыкающим. Головой вниз Марковцев, уже не заключенный, наполовину беглец, наполовину живой, упал в кучу мусора. Рассчитал он все точно, даже посадка оказалась мягкой – в последний момент он вжал голову в плечи и избежал серьезной травмы. Пока жужжал мотор, Сергей освободился от мешков и забился в угол кузова. Над головой лишь свинцовый кусочек морозного утра. И тот вскоре угас за опущенной крышкой.

Машина тронулась с места, и в голове Марковцева пронеслось: «Домой».

Впрочем, куда-куда, а домой он попадет не скоро. Вначале работа, потом долгожданная встреча с Вахой Бараевым, из-за которого Марковцев томился в тюрьме, топтал зону, замерзал в вонючем склепе. Именно там, в выгребной яме, Марк придумал для Вахи неплохую шутку. Ваха – не воин, но считает себя настоящим мужчиной, способным умереть достойно. Только вряд ли это у него получится.

Когда грузовик благополучно покинул зону, Сергей уже твердо знал, что мужиком Бараеву не умереть.

Глава 6 ВОЗВРАЩЕНИЕ

12

Москва, 17 ноября, пятница

Катя Скворцова не торопясь шла по Большой Дмитровке в сторону Кузнецкого Моста. На часах без десяти минут девять, работа уже рядом.

Утро выдалось хорошим, относительно теплым, легкий ветерок играл с прядью ее волос, кокетливо выбившейся из-под стильного серого берета. В такую погоду хорошо бродить по лесу, полной грудью вдыхать звенящий воздух, жмуриться на солнце, слушать шум ветра в пушистых кронах елей и ловить себя на мысли, что зимы не будет, что уже наступила весна.

Катя была одета в короткое пальто, нашейный платок гармонировал с цветом каракулевой оборки широких рукавов. Какой-то мужчина в надвинутой до бровей фуражке и с раскрытым журналом в руке, не замечая, шел прямо на нее. В метро многие москвичи читают, а на улицах, на ходу, – явление достаточно редкое. Катя сместилась вправо, незнакомец – влево, и они едва не столкнулись. Она снова шагнула вправо, но мужчина вновь повторил свое движение, явно сделав его преднамеренно.

– Соскучились по камере в отделении милиции? – Катя решила, что, если услышит наглый ответ, сама скрутит хулигана. А будет сопротивляться – коленом в пах и боковой в голову.

Марковцев поднял на нее смеющиеся глаза:

– Я вернулся, любимая.

Он пожалел о своем эксперименте. Увидев перед собой «покойника», Катя пошатнулась, ища руками опору.

«Все же она женщина, – подумал Сергей, поддержав ее за талию. И поправился: – Прежде всего женщина».

– Марковцев... – прошептала она, глядя ему в глаза. – Марковцев, как ты меня напугал. Ты чуть не убил меня!

– Неужели? То-то я смотрю, в лице ни кровинки.

Скворцова облизнула пересохшие губы и глубоко выдохнула, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце.

– Зайдешь? – она кивнула на парадное отдела. А сама, не соображая, что делает, крутила пуговицу на модном пальто Сергея.

После того как Марка отвезли на свалку и машина, пыхтя, развернулась и уехала, он выбрался из кучи мусора и огляделся. Черные стаи ворон, серые – чаек, гам, вонь. Неподалеку он увидел бомжа, ковыряющегося в мусоре, потом еще одного, еще... Тот, что оказался ближе к беглецу, нашел несколько алюминиевых ложек и присовокупил их к кучке другого цветмета.

Марк четко представлял себе дальнейшие действия и подошел к бомжу.

– Скажи-ка мне, братец, – вежливо спросил он, – а где тут контора, которая принимает цветной металл?

Бомж подозрительно посмотрел на небритого коллегу, одетого лишь в свитер, темно-синие спецовочные брюки и грубые ботинки.

– Ты мимо нее прошел. – На всякий случай он указал рукой на видневшееся вдали здание.

Сергей поблагодарил собеседника и смело направился к конторе.

Она оказалась типичной: просторное помещение гаражного типа, груды цветного металла, весы, приемщик и начальник конторы, чей джип «Паджеро» стоял возле входа.

Оглядевшись, Марк запер дверь, сознательно грохнув щеколдой. Приемщик грубо окликнул посетителя и пошел ему навстречу. Сергей дождался его и встретил коротким прямым в голову. Затем левой, широко размахнувшись и привставая на цыпочки, рубанул приемщика в шею.

Начальником конторы оказался здоровый парень лет двадцати пяти, державший в руках толстый медный прут. Он не испугался и начал приближаться к Сергею танцующей, как у боксеров, походкой. При этом не кричал, не ругался, что понравилось подполковнику спецназа. Марковцев не стал испытывать судьбу. Он выхватил из попавшейся под руку коробки горсть окисленных гаек и швырнул их в лицо противнику. Эффект от попадания в лицевую кость был хорошо известен Сергею. Начальник выронил прут и схватился руками за лицо. Марк ударил его в пах. Когда противник согнулся пополам, Сергей долбанул его в висок.

«Паджеро» – хорошая машина. Она завелась с пол-оборота. С деньгами в кармане, прилично одетый, но все еще скверно пахнувший Марковцев доехал до окраины города и бросил джип. После получаса ходьбы в киоске он купил местную газету и пробежал глазами объявления.

– В сауну на Энгельса, – назвал он адрес остановившемуся частнику.

Сухой воздух финской бани жег его тело. Сергей мог просидеть здесь еще час, два... Он дождался, когда в парилку зайдет очередной клиент, и, одеваясь, прихватил его пальто и фуражку.

Впереди его ждала Москва, куда он и прибыл в первом часу ночи. В ночном кафе, не торопясь, поел на семьдесят долларов. Потом случилось, что должно было случиться – под музыку Ллойда Веббера голова его упала на руки, и беглец провалился в короткий сон. Проснулся он от прикосновения руки официанта:

– С вами все в порядке?

– Да, спасибо. Тяжелый день выдался.

– Посетителей не так много, вы можете пересесть за дальний столик.

Марк принял предложение официанта и еще раз поблагодарил его. И там, за дальним столиком, выпив бокал «Саперави», Марковцев проспал на руках до семи часов утра.

Сергей взял бледнолицую за руку и не отпускал.

– Ты оторвешь мне пуговицу – нельзя же так сразу. Скажи, ты хоть рада меня видеть?

– Не знаю, – честно призналась девушка.

– А я рад. Ведь ты единственная девушка в моей жизни.

Катя не поняла его иронии. Она смотрела через плечо Сергея на Петрова, приближающегося с другой стороны. Майор игнорировал просторный двор отдела и всегда ставил свою машину с торца здания, куда выходили окна кабинета 1-й группы.

– Анатолий Петрович, познакомьтесь. Это Сергей. Сергей, это мой начальник.

– Очень приятно. – Петров пожал Марковцеву руку. – Мы с вами нигде не встречались? Лицо у вас знакомое.

– Если только в прошлой жизни.

В голове Марка всплыли строки из Роберта Мазелло, которые буквально вписывались в Ветхий Завет: «На небесах его звали Люцифером, и был он прекраснейшим из Божьих ангелов... Низвергнутый с небес, Люцифер перестал существовать как ангел. Теперь у него было другое имя и новая обитель».

– В прошлой жизни моя фамилия была Марковцев.

13

Анатолий Петров пока не определился, как ему вести себя с Сергеем Максимовичем, то ли как с задержанным, то ли окончательно освоиться с мыслью, что человек, которого он пропустил вперед себя в кабинет начальника, его новый нелегальный партнер.

– Разрешите, товарищ полковник?

Эйдинов оторвался от бумаг на столе и поверх очков оглядел вошедших. Дольше обычного взгляд его задержался не на спутнике Петрова, а на самом майоре, чей подробный доклад он выслушал полчаса назад.

– Входите.

– Разрешите представить: Марковцев Сергей Максимович.

Полковник протестующим движением остановил подчиненного, предложившего Сергею место за столом.

– Нет, мы побеседуем в другом месте. А ты, Толя, ступай в свой кабинет, там тебя ждет ворох бумаг.

Майор вышел, оставив дверь в приемную приоткрытой.

Эйдинов забрал со стола сигареты, закрыл сейф и сухим кивком указал Марковцеву на дверь:

– Выходите.

Соседняя комната была специально оборудована для разговоров подобного рода. Размером два с половиной на три метра, она больше походила на камеру для душевнобольных. Стены здесь были отделаны толстыми звуконепроницаемыми плитами, двери двойные, окна отсутствовали. В одну из плит, над единственным столом, стоящим у дальней стены, был вмонтирован микрофон, с вызывающей откровенностью забранный мелкой решеткой. Выше на миниатюрной каркасной подставке находилась компактная видеокамера.

– Меня зовут Владимир Николаевич, – представился полковник. –

Садитесь, – он прошел за стол и указал место напротив. Прикурив сигарету, Эйдинов с минуту неотрывно смотрел на Марковцева. – Своими фортелями, которые вы выкинули в колонии, вы поставили под сомнение вашу пригодность для дела, которое я веду. И сейчас я раздумываю, вернуть вас на прежнее место или похлопотать о переводе в другую колонию. Неужели вы и вправду подумали, что личная инициатива пойдет вам в зачет?

– Это мой стиль, – усмехнулся Сергей, в свою очередь внимательно изучавший собеседника. – Я не привык жить в долгу. И не надо так притворно возмущаться, все равно вы выжмете из моего побега максимум полезного для себя. Я не дурак и все понимаю.

– А вы, Сергей Максимович, не пытайтесь разговаривать со мной на равных. Если я изберу для вас третий вариант, вы будете выполнять приказы, и ничего более.

– Вначале выберите другой тон для разговора, а то я сам попрошусь назад. Вы не из милиции пришли в контрразведку? – поддел Марк начальника отдела.

Эйдинов гонял желваки под обширным полем жирных щек и хищно шурился на дерзкого уголовного. У него не получилось сразу взять инициативу в свои руки, он допустил ошибку, избрав метод давления и запугивания, но тактику менять было поздно, разве что постепенно сбавлять обороты.

– Курите, – полковник подтолкнул к собеседнику пачку «Явы».

Марк прикурил сигарету, заложил ногу за ногу и откинулся на жесткую спинку стула. Сколько народу пересидело на нем, старом, но не ставшем скрипучим. Этот стул менял хозяев, менял здания и кабинеты, его сиденье и полукруглая спинка были отполированы до блеска.

– Я дам вам отдохнуть – ровно двадцать четыре часа, – сказал Эйдинов. – Будем считать, что вы вернулись из длительной командировки. Для начала несколько вопросов.

Больше испытывать терпение этого толстяка Марк не стал. Он легко выиграл первый раунд, теперь нужно было без боя сдать второй, а дальше видно будет.

На предложение полковника он согласно кивнул.

Начальник отдела продолжил:

– Нам нужен выход на одного офицера из спецподразделения ГРУ. Выход означает контакт с ним на полном доверии.

– Как со мной?

– Абсолютно, – боднул головой Эйдинов. – Как с человеком, оставившим службу в звании подполковника.

– Я знаю офицера, о котором вы говорите?

Полковник пожал плечами:

– Понятия не имею. Но надеюсь, что вы знакомы. Для нас это важно, сэкономим время, которое может оказаться драгоценным. Вы работали в штабе Московского военного округа, в 10-м главке, потом возглавили «Ариадну» и должны знать, что собой представляет 118-я отдельная бригада под Коломной. Имеете представление, о чем я говорю?

– Ко всему вами перечисленному могу добавить, что я работал еще и старшим инструктором по нескольким дисциплинам, парашютной подготовке в частности.

– Здорово! – похвалил его Эйдинов, хмыкнув. Этот парень нахваливал себя так, словно по собственной воле пришел устраиваться на работу. Впрочем... предложение ему все же было, и исходило оно из этого здания. – Я спросил вас про особенности бригады. Я знаю о ней достаточно и надеюсь, что в ходе нашей беседы проявятся детали, о которых мне неизвестно.

– Обычное дело, – ответил Сергей. – Три штурмовые роты находятся в непосредственном подчинении 5-го управления ГРУ. Четвертая рота особо секретная. По количеству даже не рота, а боевая группа – от сорока до пятидесяти человек. Подчиняется разведывательному управлению 2-го главка. Раньше в каждой такой бригаде было по одному особому подразделению с исполнением функций устранения политических деятелей и глав руководства противника. Скажите, полковник, – Марк намеренно не называл Эйдинова по имени-отчеству, – вы знаете, что собой представляет элитное спецподразделение?

– Я возглавляю один из отделов военной контрразведки, – Владимир Николаевич то ли ушел от ответа на вопрос, то ли дал исчерпывающий ответ.

– У меня свояк работал учителем физкультуры, но ничего не смыслил в геометрии. А школа одна.

– Ближе к делу, – огрызнулся Эйдинов. – К юмору я равнодушен. Меня интересует подразделение, о котором я упомянул. Достаточно для намека?

– Вполне. Так вот, эта рота ничего общего с элитой не имеет, поскольку элита у всех на виду. О ней пишут, ею восторгаются. Элите дают Героев. А вы имеете дело с секретным подразделением, состоящим только из офицеров. Это диверсионная группа, которой по плечу любая задача. Любая, понимаете? Даже моя «Ариадна» считалась элитной, потому что в свое время была рассекречена и получила имя собственное. Если бы не этот факт, просто так уволиться мне бы не дали. Дальше. Фамилии бойцов диверсионных отрядов засекречены, на заданиях они называют друг друга по номерам и кличкам; не уверен, знают ли их фамилии в строевом отделе штаба армии. Бригада для диверсионной группы – лишь прикрытие, штаб округа – тоже. Они не задают лишних вопросов и беспрекословно выполняют приказы.

Эйдинов сделал несколько пометок на чистом листе бумаги. Полученная им накануне информация полностью соответствовала данным, которые сообщил ему Марк.

– Вы хотите сказать, что выйти на офицера этого подразделения невозможно, так?

– Там все офицеры, – напомнил Марк. – Досрочные звания им присваивают редко, даже очередные представления приходят с задержкой. Там можно увидеть сорокалетнего майора

или капитана. Но сорок лет – это предел. Им идет год за два, двойной оклад, пайковые, высокие премиальные за каждый рейдовый день. Так что звания им в общем-то ни к чему.

– Я знаю. – Эйдинов снова черкнул на листке. – Ответьте мне на следующий вопрос. Кому они подчиняются в составе Объединенной группировки войск в Чечне?

«О, куда вас занесло!» Марк демонстративно почесал в затылке. Скучные сведения о второй чеченской кампании он черпал за решеткой. Но о деталях и интригах первой мог рассказать много интересного. И потом, чем отличается первая кампания от второй? Лишь порядковым номером.

– Как в таковое в объединение силовые разведрасчеты не входят, – пояснил Сергей, отвечая на вопрос полковника. – Или, лучше сказать, они подчиняются ОГВ оперативно. Отдаленно это похоже на то, как командиры частей Министерства обороны подчинены комендантам районов. Диверсанты получают приказы от офицера своего направления. Тот в свою очередь контактирует с вышестоящим офицером разведки при штабе Объединенной группировки войск. То есть нет обычной системы подчинения, когда, например, приказ из Генштаба идет в штаб округа, оттуда в штаб армии, дивизии и так далее. Здесь мы видим прямое или непосредственное управление.

– Из первых рук, – Эйдинов покивал головой.

– Порой бывает и так. Секретная рота, задания соответствующие.

– Значит, – повторился контрразведчик, – установить контакт с офицером диверсионной группы трудно?

– Послушайте, полковник, прежде чем отвечать на конкретные вопросы, я бы хотел услышать от вас хоть слово о моих гарантиях. Ей-богу, мне не понравился ваш прием, – Сергей обвел руками серое пространство комнаты для допросов, которая имела функции дополнительного давления. – А когда надобность во мне отпадет, вы спустите меня ниже плинтуса.

– Гарантии простые, – хмыкнул Эйдинов, – пока вы работаете на нас, беспокоиться вам нечего.

– Вечно на вас я работать не смогу. Меня не существует, но я все же в розыске. Один неверный шаг людей из вашего отдела, и на меня начнется охота. Так что ограничимся делом, которое вы ведете. От вас мне требуется незначительная сумма денег, паспорт и въездная виза в страну, которую я укажу.

– И только-то? – лицо Эйдинова перекосила гримаса.

– Нет. Я очень злопамятный и мстительный человек, и мне нужна задница Вахи Бараева. Не голова, прошу заметить. Я пообщаюсь с ней один на один и, может быть, откажусь от ваших денег. Но одному мне до Бараева не добраться.

– Поговорим про Бараева, – предложил Эйдинов нехотя, отработывая вынужденные посулы Марковцеву, которые сейчас казались ему лишними. – Может статься, что он напрямую связан с этим делом. Мне нужна полная информация на Бараева, его связи, о которых знаете вы и не знают правоохранительные органы.

– Вы торопитесь и забыли сказать «да». Это я про задницу Вахи.

Полковник изобразил на лице едва ли не плаксивую мину:

– Ну зачем вам мое слово? Вы можете верить мне или нет, но больше рассчитывайте на собственную интуицию.

– Ваше слово нужно мне для того, чтобы упрекнуть вас при случае.

Эйдинов снова хмыкнул. Тон, с каким были сказаны Марковцевым последние слова, полковнику не понравился.

– Прошу заметить еще одно, – продолжил Марк. – До этого момента я отвечал на пустяковые вопросы, но с первого конкретного слова я начну работать на вас, а вы на меня. И все, что я вам сообщу, по логике вещей не должно быть направлено против меня. Будем страховать друг друга. Но предупреждаю, если я почую неладное, небольшая часть секретной информации

попадет в ГРУ. Кто-кто, а я-то знаю, как и кому передать пару листков бумаги. И вам не дадут закончить это дело. Способов во 2-м главке хоть отбавляй. Говорю вам это как специалист.

– Вам тоже не поздоровится.

– Я же сказал, что злопамятен.

Эйдинов решил вернуться к началу разговора.

– Не будем разбрасываться, Сергей Максимович, и оставим пока Бараева. Вы, наверное, поняли, что интересующее нас подразделение находится в районе боевых действий. – Получив утвердительный кивок от собеседника, он продолжил: – Наше ведомство получило сигнал о том, что, возможно, во время разведывательных рейдов разведчики вступают в контакт с чеченскими полевыми командирами.

– Как это – возможно? – удивился Марковцев. – Они вступают или нет?

– Но вы предполагаете такой оборот дела?

– В моем бывшем ведомстве – да.

– Цели?

– Их множество. И это далеко не секрет. Даже по самой скудной информации могу судить, что вторую кампанию намеренно затягивают. Немножечко пространной информации. Все войны – внутренние и внешние – планирует Генеральный штаб, и никто другой. Пойдем с самого «верха». Думаю, не все еще генералы получили новые должности, не все стали во главе мэрий и губерний.

– О, это очень высоко, – Эйдинов покачал головой. – Спустимся ниже. Так и так нам придется плясать практически от рядового состава.

– Я все же не понял, вступают разведчики в контакт с полевыми командирами или нет?

– Нам нужно доказать это. Экспериментальная ПБРП несколько раз засекла выход в эфир радиостанций разведчиков и полевых командиров в одно и то же время и в одном месте.

– А вам говорили, что диверсионная группа способна находиться в десятке метров от базы боевиков, оставаясь при этом незамеченной?

– Хорошо бы так. Но человек, который передал нам эти сведения, был убит. Буквально на четвертый или пятый, сейчас не помню... да, на пятый день после возвращения из командировки. Собственно, это и есть косвенное доказательство связи разведчиков с боевиками. Правоохранительные органы выдвинули официальную версию – пьяная драка с летальным исходом. Нас она не устраивает. Так как нами точно установлено, что один из разведчиков убит по месту прохождения службы вслед за офицером-связистом, который и поделился с нами своими подозрениями.

– А вот это серьезно. Теперь я задам вам вопрос.

– Я слушаю. – В настоящее время собеседники говорили на равных.

– Офицер, о котором вы говорили, вернулся в Чечню?

Хоть и слабенькая, оперативная работа военной контрразведки в войсках позволяла Эйдинову сказать «нет».

– Стало быть, он сейчас в Коломне?

– Да. В своей бригаде. Но дорожка нам туда заказана, мы ведь дело пока ведем полуофициально, да и предъявить ему нечего.

– Свидетель был один?

– Нет, есть еще два человека. Их не убрали, как мне видится, чтобы не вызвать подозрений: убийство трех человек, которые вместе находились в месячной командировке, настораживает. К тому же они практически недоступны. Знаете подмосковные Ваутинки?

– Это засекреченный городок с главным радиоцентром ГРУ.

– Верно. Именно там планировалась окончательная отладка ПБРП «Пчела», которая и запеленговала необычный выход в эфир радиостанций. Но что-то у разработчиков не заладилось с принципиально новыми антеннами – то ли шла обильная наводка, то ли еще что-то.

Решено было апробировать станцию в полевых условиях, чтобы внести потом соответствующие поправки.

– Вы говорили о двух людях. Кто они?

– Представители компании «ВымпелРос». Один из главных разработчиков «Пчелы» и его ассистент.

– Назовите фамилию офицера разведроты, – попросил Сергей.

– Старший лейтенант Заплетин, командир расчета.

Марковцев качнул головой.

– Пора бы Виктору стать капитаном. Старшего лейтенанта ему присвоили лет шесть или семь назад.

– Все-таки вы знаете его.

Сергей пристально взгляделся в лицо собеседника, не находя в нем радости или облегчения. У Марковцева сложилось впечатление, что часом раньше полковник откровенно лукавил, высказав надежду о знакомстве Марка и офицера-разведчика.

– Хотите совет? – он придвинулся ближе к столу и неотрывно смотрел в глаза полковнику. – Бросайте это дело. Скажите: «Мне еще жить хочется» – и бросайте. У вас же семья.

И здесь полковник слукавил, ибо мог сказать, что у него три семьи (в двух первых у него остались дети), и риск выростал троекратно.

– У меня есть семья. Но я не могу бросить это дело: после убийства капитана Макеева оно на контроле, – Эйдинов указал рукой в центр серого потолка. – Дело серьезное и секретное, мне не разрешают привлекать к работе другие службы, работаем одни, на пределе. За каждого, кого я привлекаю к делу, несу персональную ответственность.

– Ну и что – на контроле? – возразил Марк. – Пустые слова. Напишите рапорт, увольтесь с работы. Это испытанная практика. Увольняются прокуроры, следователи по особо важным делам. Вы, наверное, слабо представляете, куда и во что вы влипли. Ваша бледнолицая страшила меня системой, что, дескать, меня уберут и тому прочее. Но вы не знаете, что такое настоящая система.

Сергей прикурил очередную сигарету.

– Я понимаю, на что вы надеетесь. Но на вратах ада начертано: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Так и вы не надейтесь, что ниточка расследования остановится или же оборвется на каком-нибудь полковнике. Хотя именно этого я вам и желаю.

Последняя фраза Марковцева походила на черный каламбур – Эйдинов и был полковником.

– Не мне вас учить, Владимир Николаевич, как возникают ОПГ в военной среде. Берется необжитая сфера криминального бизнеса, в нашем случае это тесная связь военных с боевиками. Главное – наладить контакт и обговорить условия. Во главе такой организации может стоять даже полковник, а что там говорить про генералов. Себе в группу он набирает надежных людей – у каждого начальника есть люди, обязанные ему тем или иным. Такие люди необходимы. Он продвигается по служебной лестнице и подтягивает за собой своих людей. Одних он через многочисленные связи устраивает в штаб округа, той или иной армии, управления, отдела. И все они его люди, хотя начальники у многих разные. Лучше сказать, что служат они одному, а преданы другому. Не исключено, что они есть и в ГРУ, Генштабе, не говоря уж об армиях и дивизиях. Неважно, что они занимают маленькие посты, важно, что они есть. И вот однажды, решив занять свободную полочку, весь этот механизм приводится в действие. С такой командой можно не просто зарабатывать деньги, но и вершить судьбы людей. Вот где система. Вот где люди привыкли выполнять приказы! Да что я вас учу, вы контрразведчик, вам и флаг в руки.

– Ладно, начали мы за здоровье, – подвел итог встречи Эйдинов, – а кончили за упокой.

– Кстати, насчет предпоследнего. Не одолжите сотню долларов?

- Зачем? – по инерции спросил полковник.
– Сбегаю на Тверскую. Год в монастыре – не в счет. Но вот год в тюрьме и двенадцать месяцев в зоне... А ваша бледнолицая... Это вы ей давали такие изуверские инструкции?
– Не я. Но со мной вы поживете первое время.
– В каком смысле?
– Ладно, ладно, – проворчал Эйдинов, – вы уже убедили меня, что вы человек остроумный. А у меня дома вы не только отдохнете, но и напишете на досуге все, что знаете о старшем лейтенанте Заплетине. Привычки, привязанности, слабые места. И еще – желательно подробно – о вашем побеге из колонии.
– Писать я не буду, лучше продиктую. Вам. Мы же будем жить вместе.

Совершенно секретно
Федеральная служба безопасности РФ
Управление военной контрразведки
В/ч ...
ЛИЧНОЕ ДЕЛО
Категория: Агент
Псевдоним...

После непродолжительного раздумья Эйдинов отложил папку, до конца не заполнив формуляр, и вписал данные на Марковцева в анкету. Снова задумался, вспомнив предостережение из «Божественной комедии» Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Смеха в комедии было мало.

«И как это только Марковцеву дали сан, – удивился полковник, – не разглядев в нем беса?»

После этого он вернулся к папке и в графе «Псевдоним» печатными буквами вывел:

14

Чеченская Республика, 17 ноября, пятница

За последние два месяца это был второй рейд разведчиков, в который они вышли без командира расчета. Дело обычное, но бойцов не покидало тревожное чувство: Запевале предоставили краткосрочный отпуск, напрямую связанный с их ролью сталкеров. Уезжая, командир предложил Подкове передать его семье деньги. Филонов отказался: «Пусть в тумбочке валяются».

По оперативным данным, где-то в этих местах, изрезанных ущельями и мелкими горными речками, находилась банда Хамзата Турпалова. Второй рейдовый день не принес желаемых результатов, хотя разведчики и наткнулись на следы недавней стоянки его отряда. Судя по отпечаткам ног, боевики направились к дагестанской границе.

– Пару дней назад прошли, – определился Скутер, – считай, ускользнули. Отдохнем, командир? – спросил он лейтенанта Скумбатова.

– Привал, – распорядился Один-Ноль, присев к дереву.

Подкидыш достал пачку печенья и предложил товарищам. Кроме Скутера, все отказались. Гриша Найденов аккуратно лил воду на печенье, ждал, когда оно пропитается, и отправлял в рот. Потом брал в руки следующее... В действиях своих он был похож на Пантеру, который во время привалов, если позволяла обстановка, метал в дерево нож, нервируя Скумбатова и Чернова.

Злодей долго смотрел на товарища, искренне надеясь, что Подкидыш съест только половину пачки. Но Найденов не останавливался.

– Скажи-ка, Подкидыш, – играя желваками, спросил Чернов, – зачем ты вот это делаешь? – Злодей опрокинул воображаемое содержимое фляжки в свою широкую ладонь. – Ты что, свою челюсть на тумбочке оставил?

Гриша прекрасно понимал, что нервирует Чернова, но привал, если не разозлить Злодея, это не привал. На Коле бойцы снимали напряжение, превратив его в своеобразный громоотвод.

– Я стараюсь не шуметь, – пояснил Подкидыш.

– Дай мне печенье! – потребовал Злодей, протянув руку. – Дай. Ты же всех угощал.

– Тебе полить? – спросил Гриша. – Или ты всухаря?

Одноглазый вмешался в перепалку:

– Подкидыш, перестань или найди для своих развлечений кого-нибудь помельче.

– Интересно, что сейчас Запевала делает? – вздохнув, спросил Македонский, разведчик со шрамом над бровью и перебитым носом.

– Смени тему, – бросил Один-Ноль и взялся за рацию. – База, «один-двенадцатый» на связи. Обнаружили временную стоянку боевиков. Предположительно от тридцати до сорока человек. Направление – юго-восток. Возможно, сутки назад вышли в двадцати километрах к западу от Ботлиха. Пройду до границы и буду возвращаться. Конец связи.

И в этот раз он не назвал местонахождения расчета. «Обжегшись на молоке, дует на воду», – скривился Скумбатов, подумав о ротном, майоре Казначееве.

– А Запевала сейчас выполняет приказы, – неожиданно сказал одноглазый. – Что ему прикажут, то он и делает. И кто из вас ослушается хотя бы меня?

Бойцы молчали. Они могли подкалывать друг друга, тихо издеваться над громоотводом Злодеем, отпустить шутку и в адрес командира, но приказ – это святое. Хотя теперь святость сползала вылинявшей шкурой змеи. Совсем не так обстояли дела в других подразделениях, которые выполняли схожие задачи – той же войсковой разведке, к примеру, – а в отдельном батальоне все иначе. Их готовили к объявленной войне, к войне, где нет места расспросам и сомнениям, где есть реальный противник, такой же коварный и сильный. А эта, внутренняя война, где на каждом чужом сидит пара-тройка своих, ограничивала действия бойцов и вязала их по рукам. Хотя и здесь был спорный момент: они не жаждали крови. Прикажут им, они прольют ее, нет, спокойно пройдут мимо.

– Подъем! – скомандовал Один-Ноль, поднимаясь с земли и поправляя на груди автомат. – Пойдем, наведемся в Дагестан.

Глава 7 ИСКУСИТЕЛЬ

15

Москва, 17 ноября

Как и майор Петров, Людмила не могла удержаться от вопроса, где она могла видеть этого человека. Лицо очень знакомое, во взгляде даже не бес – плутовство отсутствует, – а нечто более земное.

– Знаете, – откровенно и с легкой иронией ответил Марк, – те, кто знал меня, теперь вряд ли узнают. Некоторые просто не захотят, другие в силу физиологических причин вообще не смогут. «Одних уж нет, а те далече».

«Ну все, началось-поехало», – нахмурился Эйдинов, помешивая ложечкой кофе, куда бросил щепотку соли и четыре куска сахара. Он уже пожалел, что пригласил к себе домой этого развязного типа. Но за приглашением виделось продолжение разговора, начатого в офисе. Полковник понаблюдает за новым агентом, сделает кое-какие прикидки, задаст внезапно возникший вопрос сразу, а не отложит его в памяти на потом. С другой стороны, рано еще Марковцеву предоставлять отдельную комнату хотя бы на явочной квартире – всю «малину» завалит.

Опять же из всех сотрудников у него единственного имелась трехкомнатная квартира, «свободная от детей». Скворцова была не замужем, но полковник не решился сделать ей это фривольное предложение. Хотя...

Они сидели за кухонным столом. Легкий ужин больше походил на завтрак – кофе, бутерброды, словно впереди предстояла бессонная ночь. Марковцев вел себя раскованно. Владимир Николаевич выглядел немного растерянным и часто хмурился. То ли от той самой мысли, что не стоило приводить к себе Марка, к которому ему предстоит еще привыкнуть, то ли от несправедливой и неуместной неловкости за Людмилу.

Вместе они уже второй год, их отношения не оформлены, – эта совковая казенная фраза вылезла наружу именно сегодня, когда Владимир Николаевич представил Сергею Людмилу просто по имени. Жутко не хватало двух слов: «Моя жена». Надо было прямо с порога сказать ей всю правду о Марковцеве, чтобы не смотрела на него чуть ли не с обожанием. Она никогда не была такой... навязчивой, что ли, нашел Владимир Николаевич определение, засыпала гостя вопросами, даже спросила, где тот служит.

– Скорее, я работаю, – ушел от ответа Марковцев. – Мое жизненное кредо: «Лучше быть владыкой Ада, чем слугою Неба». Так что служба – это не по мне.

Разнообразил меню, подумал Эйдинов, отгоняя неприятную для себя мысль, что ревнует Людмилу. Противников или бывших противников в гостях у него еще не было. В голову пришло более точное определение: соперник. За ним сходное по смыслу – конкурент. Агент-конкурент.

– Ты чему улыбаешься? – услышал он голос Люды.

– Ты со мной разговариваешь? – поддел он ее.

Казалось, Людмила прочла мысли хозяина и едва заметно покачала головой. Не в ее привычках было обманывать себя: Сергей, этот сильный и загадочный человек, нравился ей все больше. В нем было то, чего она никак не могла отыскать в Володе. Вернее, он утратил способность удивлять ее. Наверное, это сопряжено с его работой, вечной усталостью. Впору было

назвать их отношения сухим словом «привычка». Он привык сосредоточенно завтракать по утрам, составляя, наверное, рабочий график на день, устало ковырять вилкой во время ужина, анализируя день прошедший, и только малую толику времени уделял ей. Потому что ночью ему нужно было набраться сил, чтобы утром сосредоточиться на работе, потом отработать, потом осмыслить работу. Упрекнуть его было не в чем, такой уж он был человек. Человек-работа.

А Сергей, похоже, способен на неординарный поступок. Володя прям как стрела, а этот гибок, но гибкость его обманчива, она имеет свойства пружины или тетивы. В его взгляде целая гамма из лукавства, наглости, неприкрытой оценки и самоуверенности.

«Сергей поживет у нас с недельку», – сказал Владимир Николаевич, представив ей гостя. Да хоть две, три, месяц! Чтобы оправдать накрашенные губы и ресницы, умело скроенные юбки, открывающие часть бедра, замысловатые прически и многое другое, что нужно было не ей. Ей хватило бы всего пары-тройки слов: «О, сегодня у тебя новая прическа». Или: «Помоему, вчера у тебя был другой цвет помады». И все. Это же так просто! Удивить – и самому удивиться.

Хотя бы неделю чувствовать давно забытую неловкость, встречая по утрам взгляд мужчины. Пусть даже не оценивающий, лишь бы отличный от привычного, ничего не замечающего. Отвечать на спасибо пожалуйста, на улыбку улыбкой, а не ее копией – ведь любая копия становится еще искаженнее. Дальше – больше: откровенное смущение, «нечаянное» прикосновение руки, «нечаянное» вторжение в ванную комнату, где слышится плеск воды: «Ах, извините!» И ждать, затягивая процедуру купания, когда его рука отворит дверь...

Весь этот ком чувств и эмоций краской выступил на лице женщины. Почти мгновенно она мысленно изменила Володе, но думала иначе: не ему изменила, а его отношению к ней.

За короткий промежуток времени она досконально изучила лицо Марковцева, который был на год-два старше Эйдинова. Лоб у него открытый, взгляд менялся по желанию, отчего мелкие морщинки под его глазами то напозлали друг на друга, то сглаживались; крылья носа чувственные, изгиб губ... наверное, больше коварный. Открывавшиеся в улыбке ровные и крупные зубы сказали Людмиле, что Сергей не привык мелочиться. Последнее сравнение было скорее спорным, нежели утверждающим. Но мелкие зубы сделали бы его улыбку отталкивающей. Неосознанно она подгоняла каждую черту его лица к собственным предпочтениям. И перешла на его руки. Длинные и сильные пальцы, ладонь узкая, на запястье правой руки след от недавнего ожога. Рукава рубашки должны скрывать скрученные в жгуты мышцы.

– Кто он? – ночью, лежа в постели, спросила Людмила. Над головой Эйдинова излучал бледно-розовый свет ночник, по левую руку тумбочка, на которой неизменно находились пачка сигарет и пепельница.

– Бывший военный, – уклончиво ответил Владимир Николаевич.

– Это я поняла. Хотя вы совершенно разные люди, – высказала она не дающую ей покоя мысль.

– Люда, – попросил Эйдинов, – не докучай человеку вопросами. Он только что вернулся из длительной командировки.

Она промолчала.

16

18 ноября, суббота

Сергей проснулся еще до ухода Эйдинова и присоединился к нему на кухне, принимая от него чашку кофе. Они были одни.

– Нервничаешь? – спросил Марковцев, глядя на осунувшегося полковника.

– Ты не забыл назвать меня Вовкой? – Фраза из фильма «Ларец Марии Медичи», сказанная артистом Рыжаковым, подошла как нельзя кстати.

Марк склонился над кухонной раковиной и сполоснул лицо. Взяв с подоконника Людмило зеркалаще, пошевелил бровями, наморщил лоб, приоткрыл губы.

– Мне бы внешность изменить. Удлинить нос, подпилить зубы. Найдете специалиста?

– У меня пять групп профессионалов, – невесело пошутил хозяин, взглянув на часы. – Отдыхай, Сергей. О делах поговорим вечером. И еще. Личная просьба. Твоя одежда... – Хозяин наморщился. – Вроде как награбленная. Или с покойника. Неприятное чувство. Переоденься в мое, найдешь в шкафу. Без церемоний.

– В вашем я, наверное, утону.

– Ну извини, я забыл похудеть перед твоим воскрешением. И запомни: Людмила о тебе ничего не знает. Ты – бывший военный. Будет спрашивать...

– Я расскажу ей какую-нибудь историю, – пообещал Марковцев, – про себя.

– Не очень-то увлекайся.

– Владимир Николаевич, за два года я не отсидел даже задницу, не то что мозги. Отнесись ко мне спокойно, ладно? Будете говорить с начальством, еще раз объясните мои условия: я работаю на вас, а вы отдаете мне Бараева. Гарантии – ваше слово. Тебе я верю.

– Бараева не так-то просто взять, – Эйдинов покорно проглатывал явно намеренные сбивки Марковцева с «вы» на «ты». Он или валял дурака, или тихо издевался.

– Возьмем. С божьей помощью, – добавил Сергей. – И развяжем ему язык.

Эйдинов ушел. Марковцев подобрал себе одежду – очень свободные джинсы и просторную рубашку хозяина, убрал постель и включил телевизор.

Трехкомнатная квартира Эйдинова окнами выходила на станцию метро «Медведково». Ночь Сергей провел в спальне, сейчас он находился в большой комнате, обставленной стандартным набором мебели: стенка, пара кресел с велюровой обивкой, справа от дивана-кровати шкаф с секретером, пара книжных полок.

В половине десятого в приоткрытую дверь постучали, и в комнату вошла Людмила.

– Доброе утро, – она улыбнулась гостю и шагнула к окну, распахивая шторы. На ней была юбка чуть ниже колен, на ногах бордовые шлепки. – Как спали? – спросила она. – Я приготовила завтрак. Ничего, что так поздно?

– Ничего, – похвалил ее Марковцев, закрывая книгу, взятую с полки наугад.

– Чем заинтересовались?

– «Подходцев и двое других», – прочел на обложке Сергей, усмехнувшись. Согласно ситуации, повесть Аркадия Аверченко должна была называться «Марковцев и двое других».

– Нравится?

– Это моя настольная книга.

Он вслух прочел на первой попавшейся странице:

– «... мне ее так жалко, что плакать хочется. Я уже полчаса наблюдаю за ней. Сидит тридцатипятилетняя, не знавшая мужчины, некрасивая, одинокая, все ее обходят, никому она не нужна, и кроме всего, обязана делать вид, что ей весело...». Грустная история, – констатировал он, вслед за хозяйкой входя на кухню и еще раз отмечая стройность фигуры.

Людмила не была красавицей – симпатичная, выглядевшая на тридцать, с внимательным и пристальным взглядом. Обычно внешность женщин такого плана словно тормозится на несколько лет. Ей будет сорок, а выглядеть она будет на те же тридцать.

– Володя сказал, что вы были в длительной командировке. Как долго, если это не военная тайна?

Сергей будто бы сосредоточенно стал загибать пальцы, шевеля губами. Когда пальцы на руках кончились, он сообщил, что два года. Она рассмеялась.

Ему интересна была реакция женщины, еще вчера он отметил, пожалуй, чрезмерное внимание к себе с ее стороны. Невольно сложилось впечатление, что полковник и Людмила брат и сестра. Хотя братец оказался ревнивым. Сергей понимал контрразведчика, не случайно утром спросил: «Нервничаешь?»

Они сидели друг против друга. Людмила спросила о семье Сергея. Гость еле заметно усмехнулся.

– У человека родственников может быть целая куча, – сказал он, – и главное не в том, встречаются они или нет. Главное – помнить о них. Или забыть. Что касается меня... На сегодняшний день меня волнует лишь один человек.

– И кто же это? – любопытствовала хозяйка.

– Моя бывшая одноклассница. Я встретил ее в 1998 году – мы не виделись со школьной скамьи.

– Ну и? – женщина вопрошала глазами.

Марк продолжил эксперимент, солгав:

– Я затащил ее в постель. Ничего, что я так вот, откровенно?

– Нет, все нормально. Продолжайте.

Сергей не просто так завел разговор о своей однокласснице. Последние полгода он часто ловил себя на мысли, что часто думает о ней, невысокой, хрупкой и доверчивой девочке. Поначалу эти воспоминания вызвали у него приятное, хоть и немного грустное чувство ностальгии. Девочка стала проводником в безвозвратно ушедшие времена. Она словно водила его по тихим московским улицам, спокойным до невозмутимости, шла вдоль парт и касалась их нежной, аккуратной ладошкой, бросала на Сергея смущенные взгляды, в которых проскальзывало извинение, – за то, что она осталась в том времени, а он лишь виртуальный гость здесь, с жадностью впитывающий в себя атмосферу пустующего класса – с коричневатой доской и неизменно сухой тряпкой.

– Помнишь: «Кто дежурный? Намочите тряпку?»

Оказалось, что он думал вслух.

Людмила кивнула. Впервые она встречала человека, который говорил с грустным вдохновением. Именно такое определение пришло ей на ум, и отделаться от него она уже не могла и как зачарованная слушала Марковцева. А он рассказывал про нескончаемые школьные коридоры, про звенящее эхо вестибюля, про тяжеленные, с трудом открывающиеся двери, ведущие на школьный «пятак».

Женщина не могла отделаться от чувства, что Сергей говорит о ней, что она его первая любовь. Он вел рассказ раскованно, не стесняясь в выражениях. Вернее, он называл вещи своими именами. Говорил просто и незамысловато. И что-то похожее на ревность отпустило ее, когда она поняла, что никакой близости с одноклассницей у него не было.

Юльку он так ни разу в жизни и не поцеловал. Никаких особых препятствий не было. Он боялся, и все. А ведь у него был шанс – и какой! Юлька своей мудростью опередила его на добрую четверть века, с двумя подругами придя к нему домой. Оказывается, она сохла по нему, но до Сергея этот факт дошел, как до жирафа. Слово за слово, девчонки стали намекать, что КОЕ-КТО из класса... ну... равнодушен к нему. И кто же? – задался он вопросом. Не кто-то же из этой троицы! «Что, по фамилии назвать?» – съязвила Танька Белозерова. «Ну хотя бы первую букву», – здорово выкрутился он. А Юлька, потупив глаза, сказала: «Я». «Яшина, что ли?» – Сергей рассмеялся: нашли за кого просить. Верку Яшину, конечно, жалко – высоченная, нескладная девчонка. «Ладно, пошли мы», – вздохнули девчонки. А он поздно сообразил, что открытый текст Юли принял за кодированный.

– Вот так и кончилась наша любовь – вместе с последней, произнесенной девочкой буквой, – вздохнул Сергей.

Видела бы его девочка, когда Марковцев набрал форму породистого скакуна: сила, ловкость, грация. А лучше уж взглянула на него десятью годами позже, когда он бил морду своему шефу прямо в кабинете начальника, когда разум затмила ненависть, а честь перла наружу.

Одно время Сергей был приставлен к замначальника 10-го управления Генерального штаба и исполнял при нем функции телохранителя. Генерал-лейтенант Иванян страдал по женскому полу, и Марковцев лично поставлял ему шлюх в кабинет, на дачу, на время выходил из машины... Он имел отличного напарника, приличное жилье, красивую жену. Очень красивую. Но преданности оказалось больше в напарнике, шепнувшем ему, что... Когда Сергей вломился в кабинет генерала, в полуобнаженной женщине, раскинувшей ноги на широком диване, не сразу узнал свою жену. Черные чулки на поясе и контраст белого тела, наполовину опущенный кружевной бюстгальтер – все это было знакомо, но только по отношению к многочисленным шлюхам шефа, у жены подобной упряжи он никогда не видел.

У Сергея с женой было что-то наподобие любовных игр, но свое, какое-то родное, чего с избытком хватало обоим. Ни свечек, ни роз с призывно распускающимися бутонами. Ему хватало ее влажных волос, короткого халатика, который открывал ее красивые бедра, изящной походки ее босых ног по ковру, просто взгляда из-под ее длинных ресниц.

Ей же захотелось чего-то новенького, острых ощущений. И в тот день она получила их много.

Марковцева хорошо натаскали в тренировочных лагерях. Он с легкостью танцора скользнул к шефу, стоящему на коленях перед его женой. Левой рубанул генерала в шею и, ухватив за подбородок, резко приподнял грузное тело. Развернув его к себе лицом, Сергей чуть оттолкнул босса и той же левой провел мощный боковой в голову.

– Одевайся! – он ногой пихнул к жене валявшиеся на паркетном полу трусики. Огляделся в поисках платья. Но наткнулся лишь на ее длинный серый широкий плащ. – Мило, – процедил он сквозь зубы. И едва сдерживался, сжимая и разжимая кулаки.

Иванян, в прошлом неплохой боксер, хорошо держал удар, позади Марковцева раздался его голос:

– Сергей, погоди, так нельзя. Мы оба потеряли голову. Я потерял. А член думать не умеет.

– С меня литр, – бросил Марковцев напарнику, выведя жену из кабинета и прикрыв за собой дверь. – За каждый раз, который вспомнишь, еще литр. Ну! – поторопил он товарища.

– Только литр, Сергей. Это в первый раз.

– Меня бережешь или свои зубы?

Марковцев так и не поверил, что та связь была единственной, ей предшествовали десятки случаев, о чем говорил плащ с сюрпризом, под которым обнаружилась поношенная сбруя. Невозможно было представить, что жена пришла к генералу в таком виде впервые. А что и как было до этого? В машине, на роскошной даче Иваняна; и первый раз наспех и с таким же поспешным бегством жены, искусственно сгорающей со стыда, с мокрыми от поцелуев губами и влажными бедрами. Потом стыдливо опущенные глаза, уже не противящиеся губы, податливая грудь, безвольные бедра – теперь можно, потому что уже был первый раз. А третий – чуть нетерпеливый, и он же, несмотря ни на что, новый, неистовый.

«Сука! Какая же ты сука, генерал! – бесновался Марковцев. – Ты не ее, ты меня сношал».

Что он вытворял с ней! – фантазия проделывала над Сергеем немыслимые вещи. Ревность и сейчас хлестала так, будто не было этих лет.

Тогда он ушел, так и не объяснившись с женой, не выяснив, как и с чего у нее это началось. Был порыв вернуться и снова жить вместе, но он быстро потонул в ненависти вперемешку с презрением, с живописным видом собственной башки, украшенной армянскими рогами. Вот главная подлость: АРМЯНСКИМИ. В полусумасшедших мыслях он добрался до хилых рожек, русских, родных, но злоба только усилилась. Вот это поймел его армянин! Вот это протянул его

«через года и века!» – и до сих пор слышится где-то позади издевательский, спортивно-армянский голос: «Эй, сохатый! Лыжно!»

– Вот так часто я заглядывал в прошлое – далекое и не совсем, – закончил Марковцев. – А теперь, Люда, скажи, что это было не смешно.

Пораженная, женщина долго молчала.

– Смешно?.. Я не знаю... – Она снова взяла паузу и возобновила разговор, переходя на «ты». – Ты это придумал?

– А тебе самой как больше хочется?

Опять пауза. Затем ее возбужденный шепот:

– Сейчас мне хочется, чтобы все это оказалось правдой.

«Извини, Вовка», – Марк не в состоянии был противиться, когда Людмила обвила его шею руками и первой нашла его губы.

Это был первый его за два года поцелуй.

Свободной рукой Сергей смел со стола остатки завтрака и усадил хозяйку на краешек. Не по размеру свободные брюки шефа буквально упали с него.

Он без особого труда угадывал, что нужно этой женщине. Вряд ли толстяк Эйдинов хоть раз рвал на ней блузку, поднимал ее юбку так, чтобы трещали швы. А юбка была с сюрпризом – трусиков под ней не оказалось.

– Какая же ты сука! – шепнул он ей.

17

Эйдинов вернулся домой в восьмом часу вечера. Повесив на вешалку дорогой кожаный плащ и сняв ботинки, полковник бросил взгляд в зеркало: щеки красные и... толстые. Похож на Калягина: «И жрать хочется, и худеть хочется».

– Как прошел день? – Люда появилась в прихожей: юбка, кофта, прическа, улыбка. Улыбка. Не часто он видел ее последнее время.

– Нормально. Как гость?

Она пожала плечами.

– Что-то пишет в комнате. Даже обедать не вышел. – Людмила подставила для поцелуя щеку и указала на огромный полиэтиленовый пакет в прихожей. – А это что?

– Одежда для нашего гостя. Ужин готов?

– Сейчас разогрею.

– Давай. А я переговорю с Сергеем.

Эйдинов ушел. Теперь зеркало показывало Людмилино отражение. Во взгляде ее появился какой-то плутовской оттенок, словно перешедший от Сергея. Тревога, залегшая под глазами, граничила с не поддающимся описанию чувством азартной погони и преследования одновременно.

– Откуда вещички? – в вытянутых руках Марк рассматривал плотный пуловер светло-серого цвета.

– Лучше не спрашивай, – хозяин ослабил узел галстука и опустился в кресло. – Суббота, а работы невпроворот, – устало пожаловался Владимир Николаевич.

Сергей оставил ворчание хозяина без внимания, облачился в рубашку и сменил брюки.

Эйдинов внимательно наблюдал за ним. На правой руке агента он заметил три пулевые отметины, полученные им при задержании. Его брали живым и стреножили, не дав произвести ни одного выстрела. Впрочем, стрелял бы он – вопрос спорный. Марк мог убить заложника, но не стал делать этого.

– Ты все сотворил, о чем я просил?

– Мои труды на столе.

Не поднимаясь с кресла, кряхтя, хозяин дотянулся до столика и взял несколько листов бумаги. Пробежав глазами начало рапорта, отложил исписанные листы в сторону и ненадолго задумался.

– Ты хорошо отдохнул, Сергей?

– А что?

– Завтра у нас трудный день. Мы установили наблюдение за домом жены Заплетина. Машина с аппаратурой засекла его телефонный разговор. Завтра утром он должен отправиться в Москву. Где и с кем он будет встречаться, неизвестно. Мужской голос сообщил ему, что встреча на прежнем месте в одиннадцать часов.

– Откуда был звонок, установили? – Сергей вдел в брюки ремень Эйдинова, на котором он еще утром, подгоняя под себя, проделал отверстие, и опустился на кровать.

«Неторопливо, медленно работает полковник», – подумал Марк. Выйти на жену Заплетина можно было куда оперативнее. Но неспешность объяснялась, во-первых, тем, что работа профильного отдела не подразумевала прямой выход на то или иное правоохранительное ведомство, а во-вторых, Эйдинов не стал привлекать в качестве консультантов бывших комитетчиков, – те многое знают, но их знание имеет вид секиры, обоюдоострое. Скорости и отчасти качеству начальник отдела предпочел более замедленные и самостоятельные действия. В будущем отдел, возглавляемый Эйдиновым, виделся Марку довольно мощным. Чем черт не шутит, вдруг перерастет в отдельное управление. Вполне возможно, Эйдинов подумывает над этим. А дело, которое он ведет, в случае его успешного завершения может принести полковнику досрочное звание генерал-майора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.